

ПОПАДАНКА В МИР
ДРАКОНОВ.

ЗАМУЖ ЗА
ЧУДОВИЩЕ

Юлий Люцифер

Юлий Люцифер

**Попаданка в мир драконов.
Замуж за чудовище**

«Литнет»

2026

Люцифер Ю.

Попаданка в мир драконов. Замуж за чудовище / Ю. Люцифер — «Литнет», 2026

Я очнулась в чужом теле — и в чужом мире, где за меня уже все решили. Сегодня моя свадьба. А жених — не мужчина, о котором мечтают, а существо, которого здесь боятся даже драконы. Его называют чудовищем, проклятым, убийцей собственных жен. Он живет в мрачном замке, скрывает лицо и смотрит на меня так, будто наш брак для него такая же ненавистная клетка, как и для меня. Я должна была стать покорной жертвой. Тихой, удобной, обреченной. Вот только они ошиблись. Я не собираюсь умирать в этом мире, склонять голову перед чужой жестокостью и быть разменной монетой в драконьих играх. Но чем сильнее я пытаюсь держаться подальше от своего чудовища-мужа, тем опаснее становится правда: под маской монстра скрывается не тот, кого нужно бояться. И пока двор плетет интриги, враги желают моей смерти, а драконий принц требует меня себе, я понимаю главное — в этот мир меня забросило не случайно. Во мне просыпается сила, которую здесь ждали слишком давно. Теперь вопрос не в том, как спастись от чудовища. А в том, кто первым сгорит в его огне — мои враги, этот мир... или мое собственное сердце.

© Люцифер Ю., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Свадьба, на которую я не соглашалась	5
Глава 2. Жених, которого боится весь двор	19
Глава 3. Клятва под страхом смерти	36
Глава 4. Первая брачная ночь в мертвом замке	51
Глава 5. Чудовище не тронуло меня	65
Глава 6. Комната прежней жены	78
Глава 7. Запретное крыло замка	93
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Глава 1. Свадьба, на которую я не соглашалась

Сначала был звон.

Не колокол — резкий, металлический, будто кто-то ударил по моему черепу изнутри. Он разорвал темноту на куски, вонзился в виски и выдернул меня из вязкой пустоты так грубо, что я невольно дернулась, хватая воздух ртом.

Воздух оказался чужим.

Сладким. Тяжелым. Приторным, как будто в комнате раздавили десяток флаконов дорогих духов и щедро смешали их с запахом воска, горячего шелка и цветов, от которых уже начинало подташнивать.

Я открыла глаза и несколько секунд просто смотрела в потолок.

Белый.

Нет, не белый — молочный, с золотыми прожилками, с лепниной по краю, с росписью в виде каких-то крылатых существ, переплетенных в круге огня. Ни трещины. Ни привычного пятна от сырости, которое я видела каждое утро у себя дома. Ни следа моего мира, моей комнаты, моего потолка.

Сердце ударило так сильно, будто хотело пробить ребра.

Я резко села и тут же зажмурилась от новой вспышки боли. Перед глазами все поплыло. Кровать подо мной оказалась слишком мягкой, слишком огромной. Простыни — гладкими, как вода. На мне не было ни старой растянутой футболки, ни шорт, в которых я уснула.

На мне было платье.

Тяжелое. Многослойное. Что-то светлое с вышивкой на корсаже, с жесткими вставками, которые сдавливали грудь так, будто меня готовили не к жизни, а к красивой, дорогой смерти.

Я вцепилась в ткань пальцами.

Пальцы тоже были не мои.

Тонкие. Бледные. С длинными ногтями идеальной овальной формы. На безымянном — кольцо с темным камнем, внутри которого будто плавал алый огонь.

— Госпожа, наконец-то! — раздалось справа.

Я так резко повернула голову, что чуть не свалилась с кровати.

У окна стояла девушка в темном платье с белым передником. Молодая, худенькая, с испуганным лицом и низко собранными волосами. Настоящая служанка. Не косплей, не театр, не чья-то дурацкая съемка. Настоящая, до последней складки на переднике.

За ее спиной колыхалась тяжелая бордовая штора, а за окном поднимались башни — острые, темные, словно вырезанные из ночи, хотя за стеклом было утро. Или день. Небо светило тусклым серебром, как перед грозой.

— Вам нельзя бледнеть, — быстро заговорила девушка, делая шаг ко мне. — Они уже ждут. Леди Эстэр велела закончить сборы до второго колокола. Если вы опять попытаетесь...

Она осеклась.

Видимо, потому что я смотрела на нее так, будто это она сейчас обязана была объяснить, почему я не в своей постели, не в своей жизни и не в своем теле.

— Где я? — спросила я хрипло.

Служанка побледнела сильнее меня.

— Госпожа...

— Где. Я.

Мой голос прозвучал чуждо. Ниже, бархатнее, чем мой собственный. Красивее. Сильнее. И от этого по спине пробежал холодок.

Девушка заморгала.

— В ваших покоях, госпожа.

Это был настолько абсурдный ответ, что я на секунду даже потеряла дар речи.

— Каких еще моих покоях?

Теперь она уже смотрела так, словно я сошла с ума.

А может, так и было.

Может, я в коме. Может, это предсмертный бред. Может, у меня температура, галлюцинации, нервный срыв. Я отчаянно цеплялась хоть за какую-то версию, потому что вариант «я оказалась неизвестно где» мозг принимать отказывался.

Я спустила ноги на пол.

Холодный мрамор обжег ступни. Настоящий. Не сонный. Не картонный. Где-то в глубине комнаты тикали часы — старинные, тяжелые. Горели свечи в серебряных канделябрах. На туалетном столике лежали гребни, флаконы, жемчужные шпильки. В дальнем углу возвышалось зеркало в резной раме — огромное, во весь рост.

Я встала и пошла к нему на ватных ногах.

Служанка что-то говорила — быстро, сбивчиво, пугаясь с каждым моим шагом все сильнее, — но я уже не слышала.

В зеркале меня не было.

Точнее, кто-то стоял. Девушка. Молодая женщина. Очень красивая. Слишком красивая, чтобы я поверила в это сразу. Длинные темные волосы падали тяжелыми волнами на обнаженные плечи. Глаза казались большими, серо-зелеными, с тем самым ясным, холодным оттенком, который художники любят рисовать у аристократок. Кожа — бледная, ровная. Губы — будто их специально чуть прикусили для цвета. И на всем этом великолепии застыло выражение такого неподдельного ужаса, что иллюзия совершенства рушилась сразу.

Я подняла руку.

Отражение подняло руку.

Я коснулась щеки.

Не своей.

Чужой.

Кожа была теплой. Настоящей. Под пальцами ощущалась кость скулы, мягкость губ, дрожь в подбородке.

— Нет, — шепнула я.

В зеркале тоже шевельнулись губы.

— Нет, нет, нет...

В висках опять вспыхнула боль.

Не просто боль — рваные, чужие образы. Свет. Коридор. Мужской голос: «Не смей плакать перед ними». Чьи-то грубые пальцы на запястье. Шелест юбок. Женский злой шепот: «Ей повезло умереть до брачной ночи». Огромная тень за дверью. Красные глаза в темноте.

Я вскрикнула и схватилась за голову.

Служанка тут же подбежала ко мне.

— Госпожа! Госпожа, прошу, не надо! Только не сейчас! Если вас увидят в таком виде, они скажут, что вы снова пытаетесь сорвать церемонию.

Я резко повернулась к ней.

— Какую церемонию?

Девушка замерла.

Смотрела на меня с жалостью, со страхом, с каким-то почти суеверным ужасом.

А потом очень тихо сказала:

— Вашу свадьбу, госпожа.

Мир качнулся.

Наверное, в ту секунду я бы снова упала, если бы не схватилась за край столика. Флаконы звякнули, один едва не скатился на пол. Свадьбу. Какую еще свадьбу?

— Нет, — выдохнула я. — Нет. Это не может быть...

— Простите, — прошептала она, — но все уже собрались. Дом лорда прислал людей. Верховный маг тоже здесь. Вас не позволят...

Она опять запнулась, но я уже догадалась.

— Не позволят что?

Служанка опустила глаза.

— Сбежать.

У меня внутри что-то оборвалось.

Это слово прозвучало так просто, так буднично, будто речь шла о том, что невесте нельзя испачкать платье или опоздать к алтарю. Не позволят сбежать. Значит, та, в чьем теле я очнулась, пыталась. Значит, она тоже не хотела этого брака. Значит...

Я посмотрела на свое отражение внимательнее.

Под слоем пудры, у самой линии волос, прятался бледный синяк. На правом запястье — тонкая красная полоска, почти скрытая кружевом рукава. На шее, чуть ниже уха, — едва заметный след, словно кто-то сжал слишком сильно.

Красота. Роскошь. И поверх них — почти стертые метки страха.

— Кто мой жених? — спросила я.

Ответа я почему-то уже боялась.

Служанка побелела до прозрачности.

— Лорд Рейнар Арден.

Имя ничего мне не сказало.

Но то, как она его произнесла, сказало все.

Я сделала шаг к ней.

— И?

Она попятилась. Потом опустилась на колени так резко, будто ноги перестали ее держать.

— Простите, госпожа. Я не могу говорить о нем. Нельзя. Нас наказывают за это. Но...
— она судорожно сглотнула, — люди шепчут, что он не человек.

В комнате стало так тихо, что я слышала треск свечного фитиля.

— Что?

— Говорят, он чудовище, — выдохнула служанка, не поднимая глаз. — Проклятый из драконьего рода. Тот, кому отдают только один раз.

У меня по коже пошли мурашки.

Я ждала чего угодно. Герцога. Тирана. Старого извращенца. Политический брак. Но не этого.

— Драконьего... рода? — переспросила я медленно.

Она зажмурилась, словно уже пожалела, что сказала лишнее.

— Госпожа, прошу. Не заставляйте меня произносить это снова.

Это было бы смешно, если бы не было так страшно.

Драконы. Чудовище. Свадьба. Чужое тело.

Похоже, мир все-таки сошел с ума. Или только я.

Я снова повернулась к зеркалу. К девушке, которую не знала. К лицу, которое теперь почему-то должно было стать моим. В голове бешено крутились вопросы, но ни один не приводил к ответу. Я попыталась вспомнить последнее, что было в моей настоящей жизни.

Ночь. Дождь. Я бежала через дорогу? Нет... шла быстро, прижимая сумку к боку. Свет фар. Удар? Или я просто поскользнулась? Обрывки памяти были рваными, будто мокрая бумага. Я тянулась к ним — и не могла ухватить.

— Сколько мне лет? — спросила я внезапно.

Служанка моргнула.

— Двадцать один, госпожа.

Двадцать один.

Мне было двадцать восемь.

Меня затошнило.

— Как меня зовут?

Она смотрела на меня уже не просто с ужасом. С мольбой. Будто я балансировала на краю чего-то страшного, и одно неверное слово могло толкнуть нас обеих вниз.

— Леди Элея Вальтер, — прошептала она. — Дочь дома Вальтер. Ныне невеста лорда Рейнара Ардена.

Элея.

Я повторила имя про себя. Оно отозвалось странно — не пустотой, а далекой дрожью. Словно это тело его узнавало. Словно где-то на самом дне памяти чужая, уже почти затонувшая душа повернулась на звук собственного имени.

Мне стало жутко.

— А ты? — спросила я, лишь бы не молчать.

— Мира, госпожа.

— Мира, — медленно повторила я. — Послушай меня внимательно. Я не знаю, что здесь происходит. Я не понимаю, где нахожусь. И если это чья-то игра...

Она вскинула на меня глаза — несчастные, полные слез.

— Хотела бы я, чтобы это была игра.

В дверь постучали.

Три коротких удара. Не вопрос — приказ.

Мира вздрогнула всем телом.

— Войдите, — выдавила она.

Дверь распахнулась. В комнату вошла женщина лет пятидесяти в платье цвета старого вина. Высокая, прямая, с таким лицом, на котором, кажется, никогда не отражались сомнения. Ее волосы были убраны под сложную сетку из черных бусин, а шея обвита темным кружевом так плотно, словно даже собственное горло она считала слабым местом.

Она смерила меня взглядом. Не как человека — как объект, который должен соответствовать требованиям церемонии.

— Наконец, — произнесла она. Голос был сухой, как пергамент. — Я уже начала думать, что ты снова решила устроить истерику, Элея.

Я молчала.

Женщина подошла ближе.

— Что с лицом? — она недовольно поджала губы, обращаясь к Мире. — Ты не смогла даже привести невесту в порядок?

— Госпожа, леди Элея почувствовала...

— Меня не интересует, что она почувствовала.

И только тогда эта женщина перевела взгляд на меня. Впилась в лицо с холодным раздражением, потом чуть сощурилась.

— Ты выглядишь иначе, — сказала она. — Не вздумай изображать покорность сейчас, после всего, что устроила ночью.

Ночью.

Значит, прежняя хозяйка тела действительно пыталась сорвать свадьбу. И, возможно, за это поплатилась.

От этой мысли внутри все похолодело.

— Кто вы? — спросила я.

Мира тихо ахнула.

Женщина застыла.

Несколько долгих секунд она смотрела на меня так, словно не верила своим ушам. А потом подошла почти вплотную.

— Даже так? — тихо произнесла она. — Решила разыграть безумие? Умно. Слишком поздно, Элея.

Ее пальцы вцепились в мой подбородок. Больно. Жестко.

— Запомни главное. Сегодня ты выйдешь замуж. Даже если придется нести тебя к алтарю без сознания. Даже если маг свяжет тебя клятвой прямо здесь. Даже если твое сердце разорвется от страха. Мне все равно. Ты станешь женой лорда Ардена, потому что наш дом уже слишком много заплатил за этот союз.

Я не шевелилась.

Женщина наклонилась ближе, и ее глаза стали совсем холодными.

— И если ты еще раз осрамишь нас перед двором, я лично прослежу, чтобы твоя жизнь в доме мужа стала еще хуже, чем ты боишься.

Она отпустила меня так резко, что я качнулась.

Внутри поднялась ярость. Чистая, мгновенная, горячая. Может, потому что она говорила не только со мной, а с той девушкой, которой я теперь оказалась. С той, которую здесь запугивали, ломали, продавали в красивой обертке брака.

— Вы так разговариваете со своей дочерью? — спросила я.

Мира побледнела смертельно.

Женщина — вероятно, мать Элеи — застыла. На этот раз в ее взгляде мелькнуло что-то, похожее на растерянность. Но лишь на миг.

— Нет, — сказала она. — Я так разговариваю с девицей, которая обязана спасти остатки чести своего дома.

Я усмехнулась.

Сама не ожидала от себя. Но усмешка вышла ледяной.

— Тогда неудивительно, что ваша дочь хотела сбежать.

Удар пришел так быстро, что я не успела его предугадать.

Ладонь обожгла щеку. Голова дернулась в сторону. На глазах выступили слезы — не от боли, от ярости и унижения.

Мира пискнула что-то неслышное и съежилась.

Женщина тяжело дышала. На ее скулах вспыхнули красные пятна.

— Вот теперь я узнаю тебя, — прошипела она. — Глупую, неблагодарную, гордую до безумия девчонку. Но сегодня ты проиграла. Смирись.

Она развернулась к Мире:

— Закончи с волосами. Через четверть часа невеста должна быть в зале Огня.

Дверь захлопнулась.

Тишина после нее была почти звенящей.

Я стояла, прижав пальцы к пылающей щеке, и чувствовала, как внутри медленно, почти спокойно поднимается что-то твердое.

Не паника.

Не слезы.

Не желание свернуться клубком и ждать, пока все закончится.

Злость.

Та самая, которая всегда приходила ко мне в настоящей жизни в самые худшие моменты. Когда надоело быть удобной. Когда слишком долго терпела. Когда кто-то решил, что имеет право ломать тебя просто потому, что может.

Мира подошла ко мне осторожно, как к раненому зверю.

— Госпожа... прошу, не говорите так с леди Эстэр. Сегодня нельзя.

— Это моя мать? — спросила я, не оборачиваясь.

— Да.

Я коротко кивнула.

— Прекрасно.

Мира растерянно смотрела, как я села перед зеркалом.

— Что вы делаете?

— Собираюсь на свадьбу, раз уж без этого никак.

Она распахнула глаза.

— Вы... правда не будете больше пытаться сбежать?

Я посмотрела на нее через отражение.

— Сбежать куда, Мира? Я даже не знаю, где нахожусь.

Это была правда, и от нее стало горько.

Служанка, кажется, решила принять мой ответ за смирение. Ее плечи чуть расслабились. Она подошла ближе, взяла гребень и начала осторожно разбирать мои волосы.

В зеркале отражалась чужая невеста. Красивая, бледная, с отпечатком ладони на щеке и глазами, которые больше не выглядели испуганными. Скорее настороженными. Острыми.

— Расскажи мне о нем, — тихо сказала я.

Рука Миры замерла.

— О лорде Ардене?

— Да.

Она поколебалась.

— Я знаю только то, что знают все. Что он живет на севере, в Черном крыле. Что редко появляется при дворе. Что на войне его боялись даже свои. Что многие из его слуг исчезают. Что первая невеста... — она сглотнула, — не пережила свадьбы.

Ледяная волна прошла по позвоночнику.

— Первая невеста? — переспросила я.

— Говорят, была и другая, до вас. Но о ней не принято говорить. После той смерти лорд почти не появлялся в столице. А потом король сам одобрил новый союз, и дом Вальтер согласился.

Конечно согласился.

Продать дочь чудовищу ради выгоды — чем не семейная традиция?

— А почему его называют чудовищем?

Мира нервно облизнула губы.

— Потому что он... меняется.

Я поймала ее взгляд в зеркале.

— Во что?

Она опустила глаза.

— Кто-то говорит — в дракона. Кто-то — в нечто хуже. Никто не знает точно. Те, кто видел, молчат. А те, кто говорил, потом либо исчезали, либо клялись, что были пьяны.

Очень обнадеживающе.

Мира закончила с волосами и дрожащими пальцами начала вставлять в них шпильки с жемчугом и темными камнями. Чем дольше длились эти приготовления, тем яснее я понимала одну простую вещь: происходящее не исчезнет, если я буду отрицать его. Меня не разбудят. Не скажут, что это розыгрыш. Не вернут домой через пять минут.

И если я действительно оказалась в теле девушки, которую собрались выдать за монстра, у меня есть два варианта.

Истерика.

Или выживание.

Я всегда плохо переносила истерики.

Когда Мира закончила, она подала мне тонкую вуаль. Полупрозрачную, как дым.

— Наденьте, госпожа.

Я взяла ткань и на секунду сжала ее в пальцах.

— Мира.

— Да?

— Если бы у тебя был шанс сбежать, ты бы сбежала?

Она замерла.

Очень надолго.

— Да, — шепнула она наконец. — Но не сегодня. Сегодня весь двор полон стражи. Маги проверяют каждый выход. Вас бы поймали прежде, чем вы спустились с лестницы.

— Ясно.

Значит, не сегодня.

Что ж.

Тогда я посмотрю на того, за кого меня продают. Посмотрю в лицо чудовищу. И уже потом решу, кого здесь нужно бояться на самом деле.

Снаружи вновь ударил колокол.

На этот раз глуше, ниже, протяжнее. От него дрогнули стекла.

Мира перекрестилась каким-то незнакомым мне знаком — коснулась лба, груди и губ.

— Второй колокол, — прошептала она. — Пора.

Дверь открыли без стука.

На пороге стояли двое мужчин в темной форме с серебряными застёжками на воротниках. За их спинами виднелся длинный коридор, освещенный огнями в настенных чашах. Один из них поклонился.

— Леди Элея. Зал Огня ждет вас.

Не «просит». Не «приглашает».

Ждет.

Как ждет жертву алтарь.

Я встала.

Платье потянуло вниз тяжестью юбок. Мир вокруг вдруг стал удивительно четким. Я видела каждую складку ткани, каждый отблеск на мраморе, каждую каплю воска, стекавшую по свече. Страх не исчез. Он был здесь, внутри, холодный, разумный. Но поверх него теперь лежало что-то другое.

Упрямство.

Я подошла к двери.

Мира едва слышно прошептала мне вслед:

— Простите, госпожа.

Я обернулась.

— За что?

Ее глаза наполнились слезами.

— Я не смогла вам помочь.

Странно, но именно эти слова вдруг ударили сильнее всего. Потому что они были единственными искренними за все это безумное утро.

— Еще не вечер, — сказала я.

И вышла в коридор.

Он тянулся бесконечно. Высокие своды, темные гобелены, на которых золотыми нитями были вышиты драконы. Каменный пол отражал огонь так, будто под ногами текло расплавленное золото. По обе стороны шли стражи. Впереди мелькали фигуры придворных, слуг, женщин в дорогих платьях. Все куда-то спешили. Все знали, что сегодня происходит. Все хотели это увидеть.

Я чувствовала их взгляды.

На мне.

На невесте чудовища.

По пути мы спустились по широкой лестнице. Внизу уже слышались голоса, музыка — медленная, тягучая, больше похожая на заклинание, чем на свадебную мелодию. Пахло дымом, смолой, какими-то горькими травами.

У самых дверей в огромный зал меня остановили.

— Подождите знака, леди, — сказал один из стражей.

Двери были приоткрыты, и я увидела полоску света.

А потом — огонь.

В центре зала горело нечто вроде круглого очага, только пламя поднималось слишком высоко, слишком ровно, будто его держали невидимые стены. Вокруг располагались ряды людей. На возвышении — троны. На дальнем конце зала — алтарь из черного камня.

И рядом с ним кто-то стоял.

Высокий.

Неподвижный.

В черном.

Лица я не видела. Только силуэт. Слишком широкие плечи. Слишком тяжелая, почти нечеловеческая неподвижность. И почему-то даже на расстоянии казалось, что вокруг него воздух темнее, гуще, словно свет не хотел касаться этого мужчины.

У меня пересохло во рту.

Вот он.

Жених.

Чудовище.

Будущий муж девушки, в чьем теле я застряла.

И, возможно, мой единственный шанс понять, что за ад меня сюда забросил.

Музыка оборвалась.

Кто-то громко объявил:

— Леди Элея Вальтер!

Двери начали распахиваться.

Я вдохнула.

Шагнула вперед.

И в тот самый миг мужчина у алтаря медленно поднял голову.

Даже через весь зал я почувствовала этот взгляд.

Он был как лезвие, вынутое из огня.

И почему-то в ту же секунду у меня в голове прозвучала чужая, страшная мысль — не моя, не словами, а вспышкой чистого ужаса:

Он понял, что я — не она.

Глава 2. Жених, которого боится весь двор

Я всегда думала, что страх приходит шумно.

Срывает дыхание. Ослабляет колени. Поднимает внутри крик, который невозможно удержать.

Но настоящий страх оказался другим.

Он вошел в меня тихо — как ледяная игла под кожу, когда я переступила порог зала Огня и сотни взглядов разом впились в мое лицо. Не в душу. Не в сердце. В лицо. В невесту. В товар, который вывели показать перед тем, как вручить новому владельцу.

Музыка стихла окончательно.

Я шла вперед медленно, стараясь не запутаться в тяжелом подоле и не выдать того, как сильно у меня дрожат пальцы под кружевом вуали. Каждый шаг отзывался в теле тяжестью, будто это платье было сшито не из шелка, а из чужих ожиданий, семейных долгов и страха девушки, чье место я заняла.

Слева и справа тянулись ряды лиц.

Лорды. Леди. Придворные. Военные. Маги в темных одеяниях с вышитыми на воротниках огненными знаками. Молодые девушки, шепчущиеся за веерами. Мужчины, притихшие так резко, будто на церемонию пригласили не невесту, а приговоренного.

И все смотрели на меня с одним и тем же выражением.

Жадным ожиданием чужой беды.

Ни сочувствия. Ни тепла. Только любопытство. Почти голод.

Как будто здесь уже привыкли, что чужой страх — самое удобное развлечение.

Я бы, наверное, споткнулась, если бы не увидела в глубине зала этого человека снова.

Он стоял у алтаря так неподвижно, что казался не живым, а высеченным из черного камня. Высокий. Слишком высокий. В темном наряде, больше похожем на боевой, чем на свадебный: жесткая ткань, кожа, матовые металлические вставки на плечах и груди. Не украшения — защита. Не роскошь — угроза.

Его лицо по-прежнему скрывала полумаска из черного металла, поднимавшаяся от скулы к виску и закрывавшая часть лба. Из-под нее падали темные волосы. Чересчур темные на фоне огня. Чересчур живые для кого-то, о ком здесь шептались, как о чудовище.

И да — он смотрел прямо на меня.

Не мимо.

Не сквозь.

Прямо.

Этот взгляд не был жадным, как у двора. Не был липким, оценивающим, похотливым, как у некоторых мужчин в зале. Он был холодным. Сосредоточенным. Слишком внимательным.

Будто он видел что-то, чего не видели остальные.

И от этой мысли у меня под лопатками снова побежал лед.

По обе стороны от прохода вспыхивали высокие чаши с синим пламенем. От них пахло смолой, металлом и какими-то горькими травами. Над залом поднимались каменные арки, на которых были высечены крылатые существа с раскрытыми пастями. Драконы. Настоящие или мифические — я пока не понимала. Но их было слишком много, чтобы считать простым узором.

Этот мир не просто верил в драконов.

Он жил ими.

Когда до алтаря оставалось шагов десять, я увидела тех, кто сидел на возвышении.

Мужчина лет пятидесяти в тяжелой золотой мантии, с лицом человека, привыкшего повелевать и редко слышать отказ. Король, догадалась я почти сразу. Рядом — женщина в темно-красном платье, строгая, с неподвижной спиной и драгоценной короной, больше похожей на шипы, чем на украшение. Королева. Чуть ниже — несколько советников и, похоже, верховный маг: худой, сухой старик с серебряными кольцами на всех пальцах.

И все они тоже смотрели на меня.

Но ни у кого не было такого взгляда, как у моего жениха.

Я замедлилась.

Не потому что хотела сбежать. Бежать было некуда. Просто тело Элеи отреагировало раньше, чем разум. Внутри будто что-то помнило этот зал, этот путь, этот конец. Помнило и сопротивлялось.

Кто-то негромко зашипел за спиной:

— Иди.

Я не обернулась.

Сделала еще шаг.

Потом еще.

И наконец остановилась напротив лорда Рейнара Ардена.

Вблизи он производил совсем другое впечатление.

Издали он казался просто мрачным. Опасным. Властным.

Вблизи — подавляющим.

От него исходила сила. Не образная, не театральная — почти физическая. Она ощущалась так же явно, как жар от огня в центре зала. От него пахло не благовониями и не вином, как от прочих мужчин. От него пахло холодным железом, дымом и чем-то еще, неуловимым, почти звериным. Так может пахнуть гроза, если бы у нее было тело.

Я подняла на него глаза — и на секунду забыла вдохнуть.

Его лицо было не изуродованным, как я ожидала из рассказов. Не чудовищным в человеческом понимании. Нет. Даже наоборот — слишком правильным. Слишком резким. Скулы, будто выточенные ножом. Темные брови. Сжатые губы. Лицо мужчины, которого женщины могли бы назвать красивым, если бы не одно «но».

Глаза.

В них не было ничего человечески привычного.

Они были темными — почти черными по краю — и в глубине их едва заметно тлел красноватый свет, словно под радужкой горел слабый, злой огонь. Не ярко. Не демонстративно. Но достаточно, чтобы понять: слухи о нем родились не на пустом месте.

На его шее, под воротом, я заметила что-то похожее на тонкие темные линии, уходящие под ткань. Словно трещины. Или прожилки застывшей лавы под кожей.

Проклятие.

Мы молча смотрели друг на друга несколько долгих секунд.

Потом он склонил голову совсем немного. Не в поклоне. Скорее в холодном признании факта моего существования.

— Леди Элея, — произнес он.

Голос оказался низким. Слишком спокойным. И от этого еще страшнее.

Я ждала от чудовища хрипа, рыка, ледяного яда.

Но его голос был ровным и глубоким, как у человека, который давно научился не выпускать наружу ничего лишнего.

Я приподняла подбородок.

— Лорд Арден.

Никто из нас не протянул руки.

Между нами лежала тишина, которую тут же нарушил старик в темном одеянии у алтаря.

— Да начнется обряд союза, — провозгласил он. — По воле трона, по праву крови, по древнему огню крылатых.

Я едва удержалась, чтобы не скривиться.

По воле трона, значит.

Очень романтично.

Краем глаза я заметила, как мать Элеи — леди Эстэр — сидит в первом ряду с идеально прямой спиной и с таким лицом, словно уже одержала победу. Мне вдруг захотелось улыбнуться ей самой неприятной улыбкой, на какую я была способна.

Вместо этого я перевела взгляд на алтарь.

На черном камне лежали два тонких кинжала и чаша из темного металла.

О нет.

Только не говорите мне, что здесь еще и кровь нужна.

— Невеста и жених, — продолжал служитель, — соединят линии свои перед огнем, дабы союз был признан миром людей и родом драконов.

Родом драконов.

Значит, никто даже не делает вид, что это метафора.

Прекрасно.

Служитель подал первый кинжал Рейнару.

Тот взял его без колебаний.

Рука у него была крупной, сильной, с длинными пальцами. На костяшках — старые, плохо зажившие шрамы. Это почему-то поразило меня сильнее, чем глаза. У чудовищ в сказках не бывает человеческих шрамов. У чудовищ не бывает рук человека, который когда-то много дрался, много терял и слишком редко позволял кому-то до себя дотронуться.

Кинжал подали мне.

Я сжала рукоять.

Металл оказался теплым, будто его только что держали в огне.

Служитель говорил что-то о клятвах, долге, благословении и неразрывности союза, но я почти не слушала. В голове билась одна мысль: не показать страх. Только не сейчас. Не перед этими людьми. Не перед матерью Элеи. Не перед двором, который ждет, что я задрожу. И уж точно не перед мужчиной, который смотрит так, будто уже давно знает, чем все кончится.

— Ладонь, — тихо сказал Рейнар.

Я моргнула.

— Что?

Он чуть скосил взгляд на мою руку.

— Вам нужно порезать ладонь, леди. Иначе обряд затянется.

Я почувствовала прилив раздражения — полезный, спасительный.

— Благодарю за объяснение, милорд. Без вас я бы не догадалась, зачем на свадьбе кинжалы.

Уголок его губ едва заметно дрогнул.

Не улыбка.

Скорее удивление.

Служитель запнулся на полуслове. Публика в зале будто вся разом перестала дышать. Я слишком поздно поняла, что только что сказала это вслух. И что, судя по реакции, прежняя Элея не позволяла себе подобных тонов.

Рейнар смотрел на меня уже иначе.

Чуть пристальнее.

Чуть опаснее.

Но вместо гнева он произнес почти бесцветно:

— Значит, вам лучше быть осторожнее.

— С кинжалом или с браком?

И снова — эта тишина. Острая. Неправильная.

На возвышении кто-то кашлянул. Леди Эстэр, кажется, побледнела даже с ее железной выдержкой.

Я поняла, что играю с огнем.

В буквальном смысле.

Но поздно было отступать. И, если честно, мне не хотелось. Чем больше я видела этот двор, тем меньше во мне оставалось желания быть послушной.

Рейнар протянул руку первым. Не ко мне — над чашей. Провел лезвием по ладони быстро, словно это ничего не значило. Кровь — темная, почти черная в красных отблесках зала — капнула в металл.

Теперь моя очередь.

Я стиснула зубы и провела лезвием по коже.

Боль вышла резкой, но короткой. Я чуть поморщилась. Капли сорвались в чашу, смешались с его кровью — и в то же мгновение металл вспыхнул изнутри красным светом.

В зале зашумели.

Огонь в центральной чаше рванул вверх, будто его кто-то подбросил в небо. Стало жарко. Настолько резко, что у меня закружилась голова.

Служитель вскинул руки.

— Кровь принята, — провозгласил он торжественно. — Союз...

Он не успел договорить.

Чаша в его руках затрещала.

Из нее вырвалась тонкая огненная нить и, как живая, метнулась ко мне.

Я отшатнулась.

Слишком поздно.

Огонь скользнул по моему запястью, обвился, вспыхнул — и исчез.

На коже остался знак.

Тонкий, красный, как только что расплавленное золото. Изогнутая линия, похожая на крыло или коготь.

Зал взорвался голосами.

— Что это?..

— Знак пары?..

— Невозможно...

— У него не могло быть...

Я ничего не понимала.

Я просто смотрела на свою руку, на светящийся узор, который медленно гас, оставляя после себя ровный алый след.

А потом подняла глаза на Рейнара.

И впервые за все это время увидела, что он действительно потерял контроль.

Всего на миг.

Но этого мига хватило.

В его взгляде мелькнуло не раздражение. Не холод. Не привычная сдержанность.

Шок.

Настоящий. Голый. Почти опасный.

Служитель шагнул назад, бледнея.

— Это... древняя метка, — пробормотал он. — Она не проявлялась уже...

— Довольно, — резко произнес король с возвышения.

Его голос ударил по залу тяжелой волной. Шум начал стихать.

Король смотрел на нас так, будто увидел проблему там, где рассчитывал получить удобное решение.

— Продолжайте обряд, — сказал он. — Немедленно.

Служитель сглотнул и попытался взять себя в руки.

— Да, ваше величество. По древнему закону... жених и невеста подтверждают союз словом.

Он повернулся к Рейнару:

— Лорд Арден, принимаете ли вы леди Элею Вальтер своей законной женой перед огнем, троном и родом?

Рейнар не отводил взгляда от моего запястья.

Потом поднял глаза на меня.

Я могла бы поклясться: в ту секунду он видел не просто девушку, стоящую перед ним. Он сверял меня с чем-то внутри себя. С памятью. С подозрением. С какой-то страшной мыслью, которая ему самому не нравилась.

— Принимаю, — произнес он наконец.

Его голос звучал глуше, чем раньше.

— Леди Элея Вальтер, принимаете ли вы лорда Рейнара Ардена своим законным мужем перед огнем, тронном и родом?

Вот здесь, наверное, и нужно было сломаться.

Отказаться. Закричать. Попробовать хоть что-то.

Но я уже видела короля. Видела магов. Видела мать Элеи. Видела, как зал ждет зрелища. И понимала: если я сорву эту церемонию, мне не дадут свободу. Меня просто сломают на глазах у всех и все равно заставят сказать нужные слова.

А еще я видела Рейнара.

И почему-то была уверена: сейчас самое опасное чудовище в этом зале — не он.

Я вдохнула.

— Принимаю.

Огонь в центре вспыхнул снова.

На этот раз — почти ослепительно.

По залу прокатился низкий гул, будто где-то глубоко под полом проснулся зверь. Камень под ногами едва заметно дрогнул. Несколько леди в первом ряду испуганно ахнули. Маги переглянулись.

Служитель быстро завершил формулу союза, почти проглатывая слова. Ему, похоже, самому хотелось убраться отсюда как можно дальше.

— Перед огнем и кровью, перед тронном и древним правом, союз заключен. Отныне и до смерти вы связаны.

Очень оптимистично.

Я еще успела подумать, что вот теперь, наверное, все закончится.

Разумеется, нет.

Служитель подал знак, и к нам подошла девушка с бархатной подушкой, на которой лежали два широких кольца из темного золота. Рейнар взял одно и, не спрашивая разрешения, поднял мою руку.

Его пальцы коснулись моей кожи.

Мир на секунду исчез.

Не в переносном смысле.

Буквально.

Зал, люди, огонь — все отодвинулось, смазалось, растворилось в ослепительной вспышке чужого ощущения.

Камень. Ночной ветер. Чья-то боль, настолько сильная, что от нее хотелось кричать. Красные чешуйки на собственных руках. Голос женщины: «Ты уничтожишь всех, если не научишься жить один». Запах крови. Огонь под кожей. Многолетнее, звериное одиночество.

Я выдернула руку.

Слишком резко.

Кольцо со звоном упало на камень.

Зал снова ахнул. На этот раз почти с удовольствием.

Я смотрела на Рейнара широко раскрытыми глазами, а он — на меня.

И теперь в его лице не осталось вообще ничего человечески удобного. Ни тени вежливой маски. Ни холодной отстраненности.

Только настороженность хищника, который неожиданно понял, что добыча ведет себя неправильно.

Он наклонился ко мне совсем немного.

Со стороны это, наверное, выглядело почти интимно. Но его голос был слышен только мне.

— Кто вы? — тихо спросил он.

У меня внутри все оборвалось.

Не «что с вами».

Не «почему вы дрожите».

Не «поднимите кольцо».

Кто вы.

Он понял.

Или почти понял.

Я заставила себя не отшатнуться.

— Ваша жена, — ответила я так же тихо.

Красный отсвет в его глазах вспыхнул ярче.

— Ложь.

— Тогда не стоило жениться.

На этот раз он действительно едва заметно вдохнул. Как человек, которого впервые за долгое время не смогли просчитать.

Он поднял кольцо сам. Надел мне на палец, не отрывая от меня взгляда.

Кожа под металлом вспыхнула жаром.

Потом настала моя очередь.

Я взяла второе кольцо. Оно оказалось тяжелее, чем выглядело, и на внутренней стороне было выгравировано что-то вроде переплетенных крыльев. Я подняла его к его руке.

И вдруг увидела это.

Под рукавом, там, где ткань чуть сдвинулась, шли те же темные линии, что я заметила на шее, — только гуще. Они поднимались вверх по запястью, прятались под ладонью и уходили дальше, будто что-то внутри него медленно, годами, превращало живую плоть в раскаленный камень.

Он перехватил мой взгляд.

Я машинально надела кольцо ему на палец.

Служитель объявил союз завершенным.

Музыка заиграла вновь, но уже как-то натянуто. Люди вокруг заговорили сразу, вполголоса, жадно, торопливо. Я чувствовала, как нас обсуждают, как на нас смотрят, как пытаются понять, что означал знак на моей руке и почему лорд Арден позволил себе такую долгую паузу во время обряда.

Я же думала только об одном:

он знает, что я не Элея.

И хуже того — он собирается это выяснить.

Король поднялся.

Все разом стихли.

— Мы рады, — произнес он, и тон его звучал так, что слово «рады» переставало иметь привычный смысл, — приветствовать новый союз, заключенный во благо короны и мира между домами.

Между домами.

Не между людьми.

Не между супругами.

Конечно.

— Сегодня мы празднуем, — продолжал он, — а завтра лорд Арден с супругой покинут столицу и отправятся в Черное крыло.

Значит, завтра.

Меня увезут в его замок уже завтра.

Я не знала, радоваться этому или бояться еще сильнее.

Праздновать, впрочем, никто толком не начал. Да, музыка заиграла, слуги задвигались быстрее, кто-то поднял кубки, но напряжение в зале никуда не делось. Слишком многие были потрясены. Слишком многие видели этот странный знак. Слишком многие явно не ожидали, что свадьба чудовища окажется не просто политической сделкой.

Рейнар отступил на полшага в сторону, будто давая мне пространство.

Или проверяя, побегу ли я.

Я не побежала.

Слишком гордая. Слишком злая. Слишком растерянная.

К нам тут же подлетела леди Эстэр.

Улыбка на ее лице была безупречной. Глаза — нет.

— Дочь, — произнесла она сладко. — Какой прекрасный обряд.

— Не сомневаюсь, что вы довольны, — ответила я.

Она впилась ногтями в мой локоть так, что со стороны это можно было принять за материнскую ласку.

— Не забывай, где находишься.

— Теперь, кажется, уже не в вашем доме.

На миг ее лицо едва заметно исказилось.

Рейнар смотрел на нас молча.

Потом сказал:

— Леди Эстэр, моя жена устала. Вы отпустите ее.

Это прозвучало не просьбой.

Приказом.

И в этот короткий миг я увидела то, чего не ожидала: мать Элеи действительно испугалась. Очень быстро спрятала этот страх, но не успела скрыть полностью.

Интересно.

Значит, чудовище боится не весь двор. Но те, кто знают его ближе, боятся по-настоящему.

— Разумеется, милорд, — ответила она с натянутой учтивостью. — Я лишь хотела поздравить...

— Поздравили, — сказал он.

Леди Эстэр отпустила мой локоть.

Я едва удержалась, чтобы не потереть больное место у нее на глазах.

Она отошла.

Я перевела взгляд на мужа.

Слово мысленно далось так тяжело, будто я проглотила стекло.

Он смотрел на меня сверху вниз, и чем дольше длилось это молчание, тем острее я ощущала: этот человек не верит ни одному моему жесту. Ни одному слову. Ни одному взгляду.

— Вам плохо, леди? — спросил он наконец.

Вежливо.

Слишком вежливо.

— А как, по-вашему, чувствует себя женщина после свадьбы с незнакомым чудовищем?

Его взгляд не изменился.

— Честно.

— Вы хотите честно?

— Исключительно.

Я чуть наклонила голову.

— Мне страшно. Я зла. Я ничего не понимаю. И еще я очень не люблю, когда меня продают под видом великой чести.

Вокруг нас шумел зал, но в этот момент мне казалось, что между мной и этим мужчиной образовалось пространство, где слышно только наши голоса.

Он молчал слишком долго.

Потом произнес:

— Хорошо.

И все.

Просто хорошо.

Как будто мой гнев его не задел. Как будто он отметил что-то в уме и поставил рядом галочку.

Меня это взбесило сильнее, чем если бы он начал угрожать.

— Это все? — тихо спросила я.

— На данный момент — да.

— Тогда у меня тоже вопрос.

— Задавайте.

Я посмотрела ему в глаза.

— Вы и правда убили свою первую жену?

Красный свет в глубине его взгляда потух.

Совсем.

Так быстро, что это было страшнее любой ярости.

— Смелый вопрос, — сказал он.

— Я уже замужем. Поздно быть осторожной.

На скулах у него проступило напряжение.

— Нет, — ответил он. — Я не убивал свою жену.

Он не отвел взгляд.

Не моргнул.

И я почему-то поверила, что он говорит правду.

Но тут же спросила:

— А почему тогда все так считают?

— Потому что людям нужны удобные чудовища, — произнес он бесцветно. — Настоящих они предпочитают не замечать.

После этих слов он чуть повернул голову, и я проследила за его взглядом.

На возвышении, рядом с королем, стоял молодой мужчина в светлом, почти серебряном камзоле. Высокий, красивый, с той опасной, холодной правильностью черт, которая у людей власти часто заменяет совесть. Его волосы были светлее, чем у Рейнара, а улыбка — мягче. Но глаза...

Глаза смотрели на меня так, будто я уже принадлежала ему по праву, просто мир пока об этом не узнал.

Я почувствовала резкий холод.

— Кто это? — спросила я.

— Принц Эйден, — ответил Рейнар.

— Он смотрит так, будто хочет поздравить или купить?

— В его случае разница невелика.

Я покосилась на мужа.

— Вы умеете шутить?

— Нет.

— Жаль. Для чудовища у вас довольно сухой юмор.

На этот раз в его взгляде мелькнуло что-то почти живое. Не тепло. Не веселье. Но какое-то острое, опасное внимание.

Он снова приблизился на полшага.

— Вам следует быть очень осторожной со словами, леди Элея.

— Почему? Потому что вы можете меня убить?

— Потому что этот двор сначала слушает, потом предает, а уже потом убивает.

Это был самый честный совет, который я услышала за весь день.

И, возможно, первый, в котором не было желания меня сломать.

Не успела я ничего ответить, как к нам подошел тот самый принц.

Слишком уверенно. Слишком легко, будто имел на это право.

Он поклонился мне с идеальной придворной выучкой.

— Миледи, позвольте приветствовать вас в новом положении. Боюсь, столица давно не видела столь... запоминающейся свадьбы.

Голос у него был мягкий, приятный. И именно это настораживало.

Я ответила такой же светской улыбкой, какой, кажется, от меня ждали:

— Благодарю, ваше высочество. Надеюсь, двор не слишком разочарован, что я не умерла у алтаря.

На долю секунды его улыбка стала настоящей.

— Напротив. Вы сделали этот день куда интереснее.

Рейнар не вмешивался. Но воздух рядом с ним словно стал горячее.

Принц повернулся к нему.

— Поздравляю, Арден. Твой союз оказался... неожиданно удачным.

— Для кого именно? — холодно уточнил мой муж.

— Посмотрим, — ответил принц все с той же легкой улыбкой.

И вот тут я окончательно поняла: эта свадьба — не конец кошмара. Это только дверь в него.

Потому что в этом зале было слишком много людей, которым мой брак зачем-то мешал.

И слишком мало тех, кто хотел бы мне добра.

Принц отступил, но, уходя, снова скользнул по мне взглядом. Не откровенно. Почти незаметно. Но от него мне захотелось вымыть руки.

— Вы ему не доверяете, — сказала я тихо.

— Нет.

— А мне?

Он даже не сделал вид, что думает.

— Нет.

Я хмыкнула.

— Очень обнадеживает начало семейной жизни.

— Вам лучше привыкнуть, что я не лгу ради утешения.

— А вы всегда такой?

— Какой?

— Как будто проглотили лед и забыли, как быть человеком.

В другой ситуации я бы испугалась собственной дерзости. Но сейчас, рядом с ним, страх почему-то менял форму. Становился чем-то острым. Почти ясным.

Рейнар посмотрел на меня так долго, что я уже пожалела о своих словах.

Потом тихо сказал:

— Иногда я и сам не уверен, что еще помню.

От этого простого ответа внутри что-то странно дрогнуло.

Я не успела понять что.

В зале снова ударил колокол.

На этот раз коротко. Отрывисто. Как предупреждение.

Рейнар поднял голову. Его лицо мгновенно изменилось. Вся расслабленная, пусть и холодная собранность исчезла. Он стал жестче. Опаснее.

— Что случилось? — спросила я.

Он не ответил.

Просто схватил меня за руку — не больно, но крепко — и резко повернул к боковому выходу.

— Идемте.

— Куда?

— Быстро.

И в эту же секунду где-то над нами раздался треск.

Громкий. Каменный. Чудовищный.

Я вскинула голову.

По сводам зала побежала огненная трещина.

Кто-то закричал.

Потом еще.

А потом прямо с потолка вниз рухнул кусок раскаленного камня — ровно туда, где секунду назад стояла я.

Глава 3. Клятва под страхом смерти

Камень ударил в пол с таким грохотом, что зал содрогнулся.

Жарная волна обожгла мне лицо. В стороны брызнули искры, осколки, куски черного камня. Кто-то закричал уже по-настоящему — не театрально, не придворно, а с тем животным ужасом, который всегда вырывается, когда смерть проходит слишком близко.

Я даже не успела понять, что произошло.

Только почувствовала, как Рейнар дернул меня на себя, и в следующий миг я врезалась в его грудь, в твердую, как броня, ткань его одежды. Над головой свистнул еще один осколок. Мужская рука легла мне на затылок, прижимая сильнее, словно он закрывал меня собой не из вежливости, а по какому-то резкому, мгновенному инстинкту.

Пахнуло дымом. Железом. И снова этой грозовой, темной силой, которая окружала его, как невидимое пламя.

— Не двигайтесь, — прозвучало у меня над ухом.

Голос был низкий, очень спокойный. Слишком спокойный для человека, у которого в свадебном зале сейчас рушится потолок.

Я подняла голову.

Зря.

По своду зала ползли алые трещины. Не обычные, не каменные — они светились изнутри, будто кто-то провел по потолку раскаленным ножом. Маги у стены уже выкрикивали что-то на незнакомом языке, поднимая руки. С их пальцев срывались тонкие золотые нити, пытавшиеся стянуть трещины обратно, но огонь внутри камня продолжал рваться наружу.

Король встал со своего места. Лицо его окаменело. Королева побледнела, но не двинулась. Придворные, напротив, загудели и зашевелились, как потревоженное гнездо змей. Кто-то рвался к выходам, кто-то — наоборот, жался к стенам, не желая оказаться посреди давки.

— Это покушение, — выдохнула я, сама не заметив, что сказала вслух.

— Да, — ответил Рейнар.

Его пальцы на моей талии сжались крепче. Не болезненно. Предупреждающе. Он смотрел не вверх и не на магов — прямо в толпу. Слишком внимательно. Слишком быстро отсеивая лица.

Будто знал: опасность не в падающем камне.

Опасность — в том, кто это устроил.

Еще один кусок потолка рухнул возле алтаря. Люди шарахнулись. Служитель, тот самый, что проводил церемонию, упал на колени, прикрывая голову руками и шепча молитвы так быстро, что слова сливались в невнятный писк.

— Ваше высочество! — крикнул кто-то.

Принц Эйден уже стоял рядом с королем, но вместо того чтобы вывести семью через ближайший проход, почему-то смотрел в нашу сторону. Очень пристально. С тем выражением, которое мне сразу не понравилось еще на церемонии.

Как будто проверял, жива ли я.

Как будто ему это было важно.

Очень важно.

— Леди, — резко сказал Рейнар. — Когда я скажу, вы пойдете за мной и не станете задавать вопросов.

— Я уже замужем за чудовищем. Думаю, право на пару вопросов я заслужила.

Он даже не взглянул на меня.

— Не сейчас.

Тон был таким, что спорить вдруг расхотелось.

И в ту же секунду магическая защита на потолке треснула.

Я не видела саму магию — только почувствовала, как воздух резко сжался, а потом лопнул, будто в зале разбили гигантское невидимое стекло. Огонь рванул вниз живыми языками. Один из них ударил прямо в центр прохода, разрезав камень так легко, как нож — ткань.

Зал окончательно сорвался в хаос.

Крики. Шаги. Запах горелого шелка. Женщина в голубом платье упала, зацепившись за чей-то плащ. Двое мужчин почти сбили друг друга, рванув к выходу. Стража кричала, пытаясь навести порядок, но никто уже не слушал.

И посреди этого ада Рейнар оставался неподвижным.

Не внешне — внешне он двигался быстро, точно, уверенно. Но внутри него была какая-то пугающая, ледяная собранность. Так держатся люди, для которых опасность — не исключение, а привычная среда.

Он поднял руку.

Просто поднял — ладонью вверх.

И огонь, несшийся к нам по полу, будто ударился о невидимую стену.

Я замерла.

Пламя не погасло. Оно застыло. Изогнулось, зашипело, словно живое существо, наткнувшееся на более сильного хищника. Красные отсветы легли на лицо Рейнара, и на миг мне показалось, что под его кожей вспыхнули те самые темные линии, которые я заметила у него на шее и руках.

Проклятие.

Или сила.

А может, и то и другое сразу.

Он небрежно сжал пальцы — и огонь отхлынул в сторону.

Я смотрела на него с открытым ртом.

— Вы...

— Потом, — отрезал он.

Схватил меня за запястье и повел через боковой проход.

Мы шли быстро. Нет, почти бежали, но так, чтобы не привлекать лишнего внимания паникой. Хотя после обвала паниковать можно было уже всем и официально. По пути нас пытался остановить какой-то капитан стражи, но Рейнар даже не повернул головы.

— Заприте зал. Никого не выпускать без допроса, — бросил он ледяно.

— Милорд, это приказ короля...

— Я сказал — никого.

И капитан отступил.

Неохотно. Но отступил.

Я успела только подумать, что у чудовища, кажется, слишком большой вес при дворе, как нас догнал женский крик:

— Элея!

Я обернулась.

Леди Эстэр.

Она стояла у разломанного ряда кресел, белая как смерть, и тянула ко мне руку. В ее взгляде было столько страха, что на секунду я даже поверила: она боится за дочь.

А потом увидела — нет. Не за дочь.

За провал сделки.

За то, что товар могут испортить раньше, чем он окончательно передан.

— Элея, вернись! — крикнула она еще раз. — Ты должна быть рядом с семьей!

Рейнар остановился.

Очень медленно повернул голову.

И хотя нас разделяло несколько метров, я физически почувствовала, как похолодел воздух.

— Ваша дочь, — произнес он так громко, чтобы услышала не только Эстэр, — уже рядом с семьей.

Леди Эстэр застыла.

И впервые за все время я испытала почти неприличное удовольствие.

Он сказал это нарочито жестко. Не как формулу вежливости. Как границу. Проведенную при всех. И моя дорогая новая родственница эту границу поняла.

Ее губы дрогнули, но она промолчала.

Рейнар снова потянул меня за собой.

Мы вышли из зала в длинный полутемный коридор, где уже не было толпы, только несколько вооруженных стражников и двое магов у стены. Один из них, молодой, с бледным, нервным лицом, тут же шагнул к нам.

— Милорд Арден, приказано проводить леди в защищенные покои до выяснения...

— Нет.

Слово прозвучало так резко, что маг даже не сразу понял, что ему отказали.

— Но это распоряжение совета, — запнулся он. — После нападения на новобрачную...

— Именно поэтому она останется со мной.

Маг побледнел еще сильнее.

— С вами, милорд?

— Вы плохо слышите?

Я переводила взгляд с одного на другого и все меньше понимала, кто здесь кем командует. Судя по реакции окружающих, Рейнар не просто пугал — он был тем, с кем старались не спорить без крайней необходимости. Даже маги, даже стража, даже после прямых упоминаний короля.

Интересно. И опасно.

Очень.

— Прошу прощения, — вмешалась я, пока мужчины мерялись холодом голосов, — а кто-нибудь собирается объяснить мне, почему на моей свадьбе с потолка пытались сделать отбивную?

Маг уставился на меня так, будто новобрачные не должны говорить слов вроде «отбивная» сразу после обряда.

Рейнар посмотрел на меня иначе.

Немного дольше, чем было нужно.

— Позже, — сказал он.

— Это ваше любимое слово?

— Когда рядом слишком много лишних ушей — да.

Я скрестила руки на груди. Точнее, попыталась. С этим корсетом и многослойными рукавами выглядело, вероятно, не так грозно, как хотелось.

— Тогда вы, возможно, не заметили, но меня только что чуть не убили.

— Заметил.

— И?

— И я не позволю повторить это дважды за один день.

Вот после этого мне внезапно стало не по себе.

Потому что сказано было без пафоса. Без кокетства. Без попытки впечатлить. Просто как сухой факт.

Он не позволит.

И я почему-то поверила.

Маг наконец нашел в себе остатки смелости:

— Милорд, совету это может не понравиться.

— Совету, — ответил Рейнар, — давно пора привыкнуть, что мне безразлично, что ему нравится.

Потом он даже не удостоил его взглядом и повел меня дальше по коридору.

Я шла рядом, стараясь не отставать. Внутри все еще дрожало от пережитого, но паника уже отступала, уступая место злости и лихорадочному желанию понять, во что именно я вляпалась.

— Значит, — сказала я тихо, когда мы миновали еще одну арку и шум зала остался позади, — это действительно было покушение.

— Да.

— На вас?

— Нет.

Он сказал это слишком быстро.

Я остановилась.

Он сделал еще шаг, заметил, что меня рядом нет, и обернулся.

— На меня, — произнесла я.

Не вопрос. Констатация.

Его лицо не изменилось.

— Весьма вероятно.

— Прекрасно. Я в этом мире меньше суток, уже замужем и уже кому-то настолько мешаю, что меня хотят раздавить на глазах у двора.

— Не драматизируйте.

— Вас бы я послушала с большим доверием, если бы вы не произнесли это на фоне обвала.

Его взгляд скользнул по мне быстро, почти неуловимо, но я успела заметить: он проверяет, не ранена ли я. Плечи. Руки. Лицо. Даже подол платья, будто искал кровь или следы ожогов.

И делал это так, словно сам не хотел, чтобы я заметила.

— Вы целы, — сказал он.

— А если бы нет?

— Тогда виновные уже пожалели бы.

Снова эта пугающая ровность в голосе.

Не угрозы.

Обещания.

Я медленно подошла к нему ближе.

— Кто хочет моей смерти?

— Пока не знаю.

— А кто хочет вашей?

— Слишком длинный список.

— Удобный ответ.

— Правдивый.

Мы стояли посреди коридора напротив друг друга, и мне вдруг пришло в голову, что сейчас я разговариваю с мужчиной, которого весь двор зовет чудовищем, а боюсь его меньше, чем собственной новой матери.

Это многое говорило о моей ситуации.

И не в пользу мира драконов.

— Ладно, — сказала я. — Тогда давайте хотя бы с малого. Почему после смещения крови у меня на руке появился этот знак?

Я подняла запястье.

След все еще был виден: тонкий, алый, изогнутый, как коготь или пламя.

На этот раз он действительно замолчал.

Не уклонился. Не отрезал. Просто на секунду отвел взгляд, и этого оказалось достаточно, чтобы я поняла: вопрос неприятный.

Очень.

— Это древняя метка, — произнес он наконец.

— Спасибо, это я уже слышала. А теперь человеческими словами.

— Боюсь, человеческими тут не получится.

Я недовольно выдохнула.

— Как удобно. Стоит спросить о чем-то важном — и все вокруг мгновенно становятся поэтами.

Уголок его губ еле заметно дрогнул.

Нет, все-таки он понимает шутки. Просто не признается.

— Эта метка, — сказал он чуть тише, — означает, что огонь признал союз иначе, чем должен был.

— И что это значит лично для меня?

— Что вы теперь в большей опасности, чем час назад.

— Очаровательно.

— Согласен.

Я смотрела на него несколько долгих секунд.

— Вы знали, что так будет?

— Нет.

— Но вас это не удивило так сильно, как должно было.

— Ошибаетесь. Меня это удивило достаточно.

— Тогда почему вы смотрите так, будто не удивлены мною?

Вот тут я, кажется, попала точно.

В его лице ничего не дрогнуло, но тишина между нами стала тяжелее.

Он сделал шаг ближе.

Настолько, что я снова почувствовала его запах — холодный дым, металл, гроза.

— Потому что, леди Элея, — произнес он тихо, — вы ведете себя не так, как женщина, которую мне описывали.

У меня в груди неприятно сжалось.

Вот оно.

Мы подошли к главному.

Я постаралась сохранить спокойствие.

— Может, люди плохо меня описывали.

— Возможно.

— Или брак меня вдохновил.

— На остроумие?

— На желание выжить.

Он смотрел мне в лицо слишком внимательно. Так, будто действительно пытался понять, кто я. Не в смысле имени. Глубже.

Я не знала, что хуже: если он решит, что я самозванка, или если поймет правду. Хотя какую именно правду? Я сама ее не понимала до конца.

— Там, в зале, — сказал он, — когда я надел вам кольцо... вы что-то почувствовали?

Я замерла.

Значит, он заметил.

Конечно заметил.

Я вспомнила ту вспышку: камень, боль, красные чешуйки на руках, чужое одиночество, выжженное в кости.

И почему-то не захотела рассказывать об этом полностью.

— Головокружение, — солгала я наполовину. — И... что-то странное.

— Что именно?

— Ощущение, будто вы очень давно никому не доверяете.

Это вырвалось раньше, чем я успела подумать.

Он застыл.

В буквальном смысле.

На мгновение мне показалось, что я услышала, как в глубине коридора потрескивает огонь в настенной чаше.

— Любопытно, — произнес он наконец. Очень ровно. Даже слишком.

— Это плохой ответ?

— Это опасный ответ.

— Для кого?

— Для вас.

Я устало потерла висок.

— Вы все время говорите так, будто пытаетесь то предупредить меня, то напугать. Определитесь уже.

— Я уже определился.

— И?

— Я пока не знаю, кто вы, — сказал он спокойно. — Но кто бы ни пытался убить вас в зале, он сделает это снова. А значит, пока вы рядом со мной, у меня больше шансов не дать вам умереть раньше, чем я получу ответы.

Я медленно моргнула.

— Вы умеете быть романтичным хуже всех мужчин, которых я встречала.

— Мы с вами еще не обсуждали романтику.

— Нет. Мы с вами, кажется, обсуждаем мое право дожить до вечера.

— Сейчас это важнее.

И опять — эта честность, раздражающая и странно успокаивающая одновременно.

Я отвернулась, пытаясь собраться.

Дышать в корсете по-прежнему было пыткой. Платье давило. Волосы, уложенные Мирой, тянули шпильками. Ладонь, порезанная для обряда, ныла. Запястье под меткой жгло. А внутри постепенно созревало простое, очень приземленное желание: снять с себя все это великолепие и хотя бы на десять минут остаться одной.

Но, судя по происходящему, ближайшее время одиночество мне не грозило.

В конце коридора нас догнала стража.

Трое мужчин. Один — тот самый капитан, что уже пытался остановить Рейнара.

— Милорд Арден, — произнес он, тяжело дыша. — Его величество требует, чтобы вы немедленно явились в малый совет. Леди следует сопровождать в покои под охрану.

— Я уже дал ответ, — сказал Рейнар.

Капитан заметно напрягся.

— При всем уважении, милорд, это распоряжение короля.

— При всем уважении, капитан, на мою жену только что напали в присутствии короля. Если у совета есть желание обсудить причины, пусть делают это без нас.

— Но...

— Или, — тихо добавил Рейнар, — вы хотите объяснить мне, почему охрана зала пропустила магический заряд в свод?

Капитан побледнел.

Неплохо.

У меня появилось ощущение, что Рейнар не просто страшный. Он умеет находить у людей те точки, куда бить больнее всего.

— Леди, — неожиданно обратился капитан уже ко мне, будто надеясь на более уступчивую сторону, — прошу вас. Для вашей же безопасности.

Я посмотрела на него.

Потом на Рейнара.

Потом снова на капитана.

И вдруг очень ясно поняла одну вещь: в этом мире у меня пока нет никого. Ни одного человека, которого я могла бы назвать своим. Но выбор все равно есть.

Между теми, кто выдал меня чудовищу.

И самим чудовищем.

Неожиданно выбор был не таким сложным.

— Я останусь с мужем, — сказала я.

Вид у капитана стал такой, будто я лично оскорбила государственный строй.

— Леди...

— Вы слышали, — отрезал Рейнар.

Стражники расступились.

Мы пошли дальше.

На этот раз молчание между нами длилось дольше. Не тяжелое. Скорее настороженное. Я знала, что он оценивает мой выбор. Я сама его оценивала. И не до конца понимала, почему только что так легко встала на его сторону.

Наверное, потому что он пока единственный здесь не пытался сделать из меня удобную куклу.

Даже когда держал при себе как подозреваемую.

За очередной дверью нас ждал небольшой внутренний двор, отгороженный от главных залов замка высокой аркадой. Здесь было тише. Воздух пах мокрым камнем и пеплом. В центре журчал узкий фонтан, вода в котором казалась почти черной.

У входа стояла Мира.

Я даже остановилась.

Бедная девушка выглядела так, будто успела одновременно поплакать, испугаться, снова поплакать и попросить прощения у всех богов этого мира.

Увидев меня, она рванулась вперед:

— Госпожа!

Потом заметила Рейнара и тут же согнулась в таком низком поклоне, что я испугалась, как бы она не сложилась пополам окончательно.

— Простите, милорд, — затараторила она, — меня не пускали, но я хотела убедиться, что леди жива, и потом мне сказали...

— Дыши, — сказала я автоматически.

Она замолчала и уставилась на меня круглыми глазами.

Я едва не улыбнулась.

— Со мной все в порядке, Мира. Почти.

Почти было очень точным словом для моего нынешнего существования.

Рейнар посмотрел на служанку.

— Ты была при леди с утра?

Мира вздрогнула.

— Да, милорд.

— Не отходи от нее без моего приказа.

Она моргнула, явно не ожидая, что ее не выгонят, не накажут и не сотрут в пыль одним взглядом.

— Да, милорд.

— И никому не позволяй входить к ней одной. Даже по приказу дома Вальтер.

Вот теперь вздрогнула уже я.

— Вы всерьез думаете, что моя семья причастна к нападению?

Он перевел взгляд на меня.

— Я всерьез думаю, что доверять сейчас нельзя никому.

— Даже вам?

— Особенно мне, — произнес он.

И снова этот странный, режущий по нервам ответ.

Он говорил правду так, будто это был единственный язык, на котором он еще умел существовать.

— Тогда почему вы меня защищаете? — спросила я.

Вопрос вышел тише, чем хотелось.

Мира тактично опустила глаза и сделала вид, что ее тут вообще нет.

Рейнар молчал недолго.

— Потому что вы теперь моя ответственность, — сказал он.

Я хмыкнула.

— Звучит ужасно неромантично.

— Вам снова нужна ложь для утешения?

— Нет. Но иногда людям нравится слышать, что их спасают не только из чувства долга.

— Людям, возможно, — ответил он. — Я не уверен, что все еще отношусь к ним в полной мере.

После этого он развернулся, словно разговор был окончен.

И вот тогда я увидела это.

Когда он сделал шаг, по его плечам будто прошла едва заметная судорога. Очень короткая. Почти незаметная. Но я успела заметить, как напряглась линия шеи, как под кожей у воротника на мгновение вспыхнули те темные трещины.

Боль.

Сильная.

Спрятанная слишком привычно.

— Подождите, — сказала я.

Он остановился.

Не обернулся.

— Вам плохо?

— Нет.

— Вы ужасно врете для человека, который гордится честностью.

Мира тихо ахнула. Видимо, решила, что после этой фразы меня все-таки съедят.

Рейнар медленно повернул голову.

В его взгляде вспыхнуло что-то опасное, почти раздраженное. Но не на меня. Скорее на сам факт, что я заметила.

— Займитесь собой, леди, — произнес он холоднее, чем раньше. — Это сейчас ваша главная задача.

— А ваша?

— Не сгореть раньше времени.

С этими словами он ушел.

Просто оставил меня в каменном дворе с перепуганной служанкой, запахом пепла и целой бурей мыслей в голове.

Я смотрела ему вслед, пока черный силуэт не скрылся за аркой.

Не сгореть раньше времени.

Очень обнадеживающий муж.

— Госпожа? — осторожно подала голос Мира.

— Да?

— Мне кажется... — она нервно оглянулась, — вам лучше пойти со мной. Здесь небезопасно.

Я перевела взгляд на темную воду фонтана.

На собственное отражение в ней.

Чужое лицо. Чужие волосы. Чужое платье. На запястье — метка, которой не должно было быть. За спиной — брак, на который я не соглашалась. Впереди — замок чудовища, о котором все лгут или недоговаривают.

И еще покушение.

Прямо в день свадьбы.

— Да, — сказала я тихо. — Пожалуй, пора уже узнать, за что именно меня хотят убить.

Мира побледнела.

— Госпожа...

— И заодно, — добавила я, глядя в темную воду, — выяснить, кем была та девушка, в чьем теле я проснулась.

Потому что чем дальше, тем яснее становилось одно:

эта свадьба была нужна не только ради политики.

Элею Вальтер не просто выдали замуж.

Ее зачем-то привели к чудовищу.

И кто-то очень боялся, что она останется в живых.

Глава 4. Первая брачная ночь в мертвом замке

До вечера меня так и не оставили одну.

Не по-настоящему.

Да, Мира проводила меня в покои, где уже не было ни толпы придворных, ни матери Элеи, ни тяжелого гула свадебного зала. Да, двери закрылись, и снаружи встала охрана. Да, служанки принесли воду, чистые ткани, какие-то мази для ладони и новое платье, менее торжественное, но все равно слишком дорогое и неудобное для человека, которого днем пытались убить.

Но ощущение чужих рук, чужих глаз и чужой воли никуда не делось.

Этот мир будто с первой минуты решил, что у меня нет права даже на одиночество.

Я сидела перед зеркалом, пока Мира осторожно снимала шпильки из моих волос, и смотрела, как темные пряди одна за другой освобождаются и тяжелыми волнами падают на плечи.

Лицо Элеи в отражении казалось усталым. Слишком взрослым для двадцати одного года. Слишком настороженным. На щеке еще проступал бледный след от удара леди Эстэр. Губы побледнели. Под глазами легли тени.

И только взгляд был уже не тем, что утром.

Утром в этом лице жил голый ужас.

Сейчас — злость. Осторожность. И очень четкое понимание: меня хотели убить не случайно.

— Вы правда думаете, что это было из-за вас? — тихо спросила Мира, будто продолжая мой невысказанный разговор с самой собой.

— А из-за кого еще? — отозвалась я. — Если бы хотели убить лорда Ардена, били бы не в тот момент, когда я подошла к алтарю.

Она опустила глаза.

— Может, это просто треснула старая защита...

Я повернулась к ней.

Она тут же покраснела и нервно смяла в руках ленту.

— Ты сама в это не веришь, — сказала я.

— Не верю, — шепнула Мира. — Но иногда так проще.

Простой ответ. И слишком честный.

Я отвернулась обратно к зеркалу.

— Расскажи мне про Элею.

Служанка замерла.

Я уже начала привыкать к этим паузам. В этом мире, похоже, любая правда сначала проходила через страх.

— Что именно, госпожа?

— Все, что знаешь. Какая она была. Чего боялась. Кому доверяла. Почему пыталась бежать. И почему у меня ощущение, что ее в этом доме не любил вообще никто.

Мира провела гребнем по волосам осторожнее.

— Вас... ее... трудно было любить, — сказала она и тут же быстро добавила: — Простите. Я не хотела обидеть.

— Не обидела. Продолжай.

Она поколебалась.

— Леди Элея была очень красивой. Слишком красивой для этого дома. Леди Эстэр всегда говорила, что красота без послушания — это бедствие. Госпожа... то есть прежняя вы... не умела молчать вовремя. С детства. Спорила. Смотрела прямо. Не хотела быть такой, как ей велели. За это ее наказывали.

Я слушала, не перебивая.

— Потом, когда стало известно о помолвке с лордом Арденом... она изменилась, — продолжала Мира. — Сначала кричала. Потом просила. Потом перестала есть. Потом пыталась уговорить старшего брата помочь ей. А потом... — Мира сглотнула. — Потом ночью сбежала.

Вот оно.

Я развернулась к ней всем телом.

— И?

— Ее вернули до рассвета. Никто не сказал, как именно нашли. Но когда она вернулась, у нее были порваны руки... вот здесь. — Мира коснулась своих запястий. — И она уже не кричала. Только молчала. А утром леди Эстэр сказала, что если госпожа еще раз выставит дом на посмешище, ее поведут к алтарю связанной.

Я медленно вдохнула.

И выдохнула.

Очень спокойно. Слишком спокойно. Так бывает, когда ярость уже зашла так глубоко, что перестает выглядеть как эмоция и становится чем-то твердым, почти металлическим.

— Значит, вот как здесь выдают замуж, — сказала я.

— Не всех, — шепнула Мира.

— Конечно. Только тех, кого можно продать подороже.

Она ничего не ответила.

В дверь тихо постучали.

Одна из старших служанок просунула голову внутрь и поклонилась:

— Леди, экипаж готов. Лорд Арден уезжает немедленно и требует, чтобы вы сопровождали его.

Немедленно.

Даже не «после ужина», не «завтра утром», как объявил король. Немедленно.

— Почему сейчас? — спросила я.

Служанка опустила взгляд.

— Нам не велено объяснять.

Разумеется.

Я встала.

Ладонь после ритуального пореза ныла. Метка на запястье временами покалывала, словно под кожей оставили горячую иглу. Но хуже всего было не это.

Хуже было ощущение, что меня торопят увезти.

Слишком быстро.

Словно кто-то понял: в столице мне оставаться нельзя. Или опасно. Или неудобно для чьих-то планов.

Мира помогла мне переодеться. Новое платье было темно-синим, почти черным в складках, без свадебного блеска, но с тяжелой вышивкой по лифу и рукавам. Чужой вкус. Чужой статус. Чужая жизнь.

Когда она затягивала шнуровку, я спросила:

— Ты поедешь со мной?

Она вздрогнула.

— Если милорд позволит.

— А если не позволит?

Ее пальцы дрогнули.

— Тогда... мне, наверное, велят остаться здесь.

Я поймала ее взгляд в зеркале.

Она боялась.

Не потому что не хотела ехать. Потому что прекрасно понимала: если останется в доме Вальтер одна, без Элеи, без защиты нового статуса госпожи, ей припомнят слишком многое.

— Ты поедешь, — сказала я.

— Госпожа...

— Это не просьба.

Странное чувство. Я никогда не распоряжалась людьми. Никогда не жила в мире, где одно мое слово могло изменить чью-то судьбу. Но сейчас я видела слишком ясно: у Миры нет никого, кроме меня. И, если уж быть честной, у меня тоже.

Мы вышли из покоев вдвоем.

Коридоры уже не шумели так, как днем. Дворец будто выдохся после паники и теперь переваривал происшедшее в полумраке, шепотах и быстрых шагах слуг, старающихся не смотреть в глаза господам. У дверей стояла стража в темных доспехах. Не королевская — другая. Более строгая. Без лишнего блеска. На нагрудниках — едва заметный знак в виде распахнутого крыла.

Люди Рейнара.

Один из них поклонился мне.

— Леди.

Я кивнула.

— Эта девушка едет со мной.

Стражник бросил короткий взгляд на Миру.

— Если милорд не возразит.

— Милорд не возразит, — сказала я уверенно, хотя, конечно, не могла знать этого наверняка.

Но стражник, к моему удивлению, спорить не стал. Лишь распахнул передо мной двери.

Во внутреннем дворе уже ждал экипаж.

Черный. Закрытый. Без гербовой роскоши, но такой тяжелый и добротный, что даже упряжь выглядела не украшением, а частью оружия. Лошади — огромные, темные, нервно перебирающие копытами. По обе стороны стояли всадники.

И рядом с каретой — Рейнар.

Он уже успел сменить часть церемониального костюма. На нем был длинный темный плащ с высоким воротом, перчатки и тяжелый пояс, на котором я заметила ножны. Без показной вычурности. Без золота. Все в нем было устроено так, будто человек привык в любой момент не праздновать, а воевать.

Он поднял взгляд, когда я спустилась по ступеням.

На Мире его глаза задержались на мгновение.

— Это кто?

— Моя служанка, — ответила я. — Она едет со мной.

Он помолчал.

Мира побледнела так, что я уже решила — сейчас откажет.

— Хорошо, — сказал он.

И все.

Хорошо.

Кажется, этот мужчина вообще считал, что два слога — более чем достаточная щедрость для любого диалога.

Я подошла ближе.

Во дворе пахло мокрым камнем, конским потом и ветром, в котором уже чувствовалась дальняя ночь.

— Почему мы уезжаем сейчас?

— Потому что в столице вам опасно.

— И в вашем замке, конечно, исключительно безопасно?

— Нет.

Чудесно.

Я сложила руки на груди.

— Вы всегда отвечаете так, чтобы человеку становилось хуже?

— Обычно да.

— У вас редкий талант.

— Вы тоже не лишены способностей, леди.

Вот тут я почти усмехнулась.

Если он хотел этим уколоть — мимо. После сегодняшнего дня словесные пикировки были самым безобидным из того, что со мной случилось.

Он открыл дверцу экипажа.

— Садитесь.

Я на секунду задержалась у ступеньки.

— А если я откажусь?

Красный отблеск в его глазах не вспыхнул, но взгляд стал тяжелее.

— Тогда вас либо вернут в дом Вальтер, где попытаются контролировать каждое ваше слово, либо оставят под охраной короля, среди людей, один из которых уже пытался вас убить. На вашем месте я бы выбрал карету.

— Очень воодушевляющее приглашение.

— Я стараюсь.

Я села.

Внутри карета оказалась просторнее, чем выглядела снаружи. Темная кожа, толстые подушки, лампа в металлическом держателе, тяжелые шторы на окнах. Все без лишней роскоши, но сделано так, чтобы выдержать долгую дорогу и, возможно, нападение.

Рейнар сел напротив.

Мира устроилась рядом со мной, маленькая и напряженная, будто пыталась занимать как можно меньше места в одном пространстве с чудовищем.

Карета тронулась с места так плавно, что я почувствовала это только по слабому качанию пола и по тому, как за окном медленно поползли огни дворца.

Все.

Обратно дороги уже не было.

Некоторое время мы ехали молча.

Снаружи глухо стучали копыта. Металл упряжи иногда звякал на поворотах. Город за окнами сперва светился — редкими фонарями, огнями лавок, вечерними отблесками на мостовой. Потом стал темнее. Уже через несколько минут я поняла, что мы покидаем центральные улицы.

Я смотрела в окно на чужой город, где всего за один день успела умереть старая жизнь, и пыталась осознать очевидное:

я не вернусь домой.

Не сегодня.

Не завтра.

Может быть, никогда.

Эта мысль накрыла внезапно и тяжело. До этого я все еще держалась на адреналине: чужое тело, свадьба, покушение, разговоры, опасность. Но когда карета выехала за дворцовые ворота, внутри что-то тихо оборвалось.

Дом.

Мой настоящий дом. Моя квартира. Мой телефон, который теперь где-то там, в мире без драконов. Мои привычные вещи. Кофе по утрам. Музыка. Дурацкие сообщения от подруги. Нормальные улицы. Нормальные машины. Обычная жизнь, которую я раньше так легко ругала за усталость и однообразие.

Все это теперь казалось роскошью.

Я отвернулась к окну сильнее, чтобы никто не увидел, как в глазах вдруг предательски защипало.

— Вас тошнит? — спросил Рейнар.

Ну конечно. Очень подходящий вопрос к моменту внутренней трагедии.

— Нет.

— Тогда почему вы так вцепились в занавеску, будто хотите ее задушить?

Я опустила взгляд.

И правда — пальцы сжимали плотную ткань так, что побелели костяшки.

— Привычка, — сказала я.

— Странная.

— День у меня был еще страннее.

Он не ответил.

Мира сидела молча, опустив глаза в колени, и я вдруг поняла, что она до смерти боится даже случайно привлечь к себе его внимание. Не как женщина мужчину. Как мышь — хищника.

Любопытно.

Боятся все. Но боятся по-разному.

— Вас действительно так все ненавидят? — спросила я неожиданно.

Мира рядом чуть не подавилась воздухом.

Рейнар поднял на меня взгляд.

— Прямой вопрос.

— Зато честный.

Он отвел глаза к окну.

Карета как раз проезжала через последние городские ворота. За ними начиналась темная дорога, по обе стороны которой поднимались голые деревья, изломанные ветром.

— Ненависть — слишком живая эмоция, — сказал он. — Большинство предпочитает бояться.

— За что?

— За многое.

— Вы все еще человек загадка, милорд.

— А вы все еще задаете вопросы так, будто не знаете, когда стоит остановиться.

— Если бы я умела останавливаться вовремя, сегодня я была бы гораздо удобнее для окружающих.

На это он все-таки посмотрел на меня чуть иначе.

Внимательнее.

Почти оценивающе.

— Да, — произнес он. — Это я уже понял.

Карета набрала ход.

Столица окончательно осталась позади. За окнами была ночь. Не мягкая, привычная городская ночь, а настоящая — глубокая, сырая, со смутными силуэтами леса и редкими вспышками сторожевых огней вдоль тракта.

Я чувствовала усталость, как тупую тяжесть в костях. Но спать не могла. Слишком многое крутилось в голове.

И еще сильнее было другое ощущение: Рейнар напротив тоже не расслаблен.

Он сидел неподвижно, но не спокойно. Как человек, который слушает не только стук колес, но и все, что происходит вокруг: ветер, коней, людей снаружи, дыхание внутри кареты. Он словно жил в постоянном ожидании удара.

— Вы думаете, на нас нападут в дороге? — спросила я.

— Да.

Я закрыла глаза на секунду.

— Великолепно.

— Мы готовы.

— Простите, но после свадьбы, где потолок пытался впечататься мне в голову, ваши слова «мы готовы» звучат не слишком утешительно.

— Они и не должны утешать.

Я открыла глаза.

— Тогда что должны?

Он посмотрел на меня в упор.

— Предупреждать.

Вот это в нем было хуже всего.

Он никогда не пытался смягчить правду. Не подсыпал в нее сахар, не маскировал. Просто клал передо мной как нож на стол.

Жестоко.

И в каком-то извращенном смысле — надежно.

Я откинулась на спинку сиденья.

— Хорошо. Тогда предупреждайте дальше. Что меня ждет в вашем замке?

Он помолчал.

— Холод.

— Уже чувствуется.

— Молчаливые слуги.

— Как бодро.

— Плохая репутация.

— Это я заметила еще до свадьбы.

— И комнаты, в которых лучше не ходить ночью.

Я уставилась на него.

— Вы сейчас издеваетесь?

— Нет.

Мира рядом тихо пискнула.

Я перевела взгляд на нее.

— Ты об этом знала?

Она замотала головой так быстро, что чуть не распустились волосы.

— Нет, госпожа. Я никогда не была в Черном крыле.

Черное крыло.

Даже название звучало так, будто туда отправляют не жену, а приговоренного героя готического романа.

— А хорошее там есть? — спросила я.

Рейнар задумался.

Это уже само по себе было тревожным знаком.

— Там не лгут вам в лицо ради улыбки, — сказал он наконец.

— Сильный аргумент, — пробормотала я. — Особенно после знакомства с моей новой семьей.

Он чуть склонил голову, словно запоминал интонацию.

— Вы действительно ничего к ним не испытываете?

— К кому? К семье, которая продала меня чудовищу? — Я горько усмехнулась. — Нет. Не испытываю.

Это было почти правдой.

Точнее — идеальной правдой для той роли, которую я теперь играла. Потому что мои чувства к дому Вальтер вообще не имели корней. Это были не мои люди. Не моя мать. Не мой брат, которого я еще даже не видела толком. Не моя история.

Но боль Элеи, кажется, все еще жила где-то под кожей. Иногда не словами, не воспоминаниями, а короткими вспышками — отвращением к определенному тону, страхом перед закрытой дверью, ненавистью к собственному свадебному кружеву.

Чужая жизнь просачивалась в меня слишком тихо.

И это пугало.

— Вы устали, — сказал Рейнар.

— Это не вопрос, а издевательство.

— Это приказ. Спите.

Я вскинула брови.

— Очень мило. А если я не хочу?

— Тогда будете бодрствовать до нападения.

— Вы умеете заботиться так, что звучит как угроза.

— Практика.

Я хотела ответить что-то колкое, но вдруг поняла, что веки и правда тяжелеют. Адреналин, державший меня весь день, начал сдавать. Карета покачивалась ровно. Внутри было тепло. После всего произошедшего это почти усыпляло.

Мира уже сидела, клюя носом, едва удерживаясь от сна.

Я устроилась поудобнее, все еще не собираясь действительно засыпать. Просто закрыть глаза на минуту. На две. Перевести дух. Дать мозгу не думать хотя бы несколько ударов сердца.

Последнее, что я услышала сквозь дрему, — голос Рейнара. Очень тихий. Не мне. Кому-то снаружи, через маленькое окно в дверце:

— Не снижать ход. Если увидите свет слева от тракта — режьте вперед без остановки.

Значит, он ждал нападения всерьез.

Чудесно.

Я провалилась в сон резко, будто кто-то толкнул.

И почти сразу оказалась не в карете.

Я стояла в длинном коридоре, освещенном только красноватым светом от настенных чаш. Каменные стены были покрыты черными прожилками, как остывшая лава. В конце коридора виднелась дверь — высокая, железная, с выжженным на ней знаком крыла.

За дверью кто-то дышал.

Тяжело. Хрипло. Нечеловечески.

Мне хотелось бежать, но ноги не двигались.

Из темноты слева вышла женщина в светлом платье. Лица ее я не видела — только бледную шею, распущенные волосы и тонкие руки. Она остановилась в двух шагах от меня.

— Не открывай, — сказала она.

Голос был тихим. Почти сорванным.

— Кто вы? — спросила я.

Она будто не слышала.

— Если он попросит — не верь. Если он будет молчать — тем более не верь. И никогда не подходи к западному крылу после заката.

По коже пошел холод.

— Кто вы?

Женщина медленно подняла руку.

На ее запястье горела такая же метка, как у меня.

Я рванулась к ней — и в этот момент дверь в конце коридора дрогнула от удара изнутри.

Один удар.

Второй.

Третий.

Металл начал гнуться.

Женщина шепнула:

— Он опоздал в прошлый раз. В этот — не должен.

И подняла голову.

Лица у нее не было.

Только темнота.

Я вскрикнула и проснулась.

Карету тряхнуло так, что я едва не ударилась виском о стенку.

Снаружи заржали кони. Раздался крик. Потом еще один.

Не сон.

Нападение.

Рейнар уже был на ногах.

Точнее — в слишком маленьком пространстве кареты он успел подняться так, будто она не тряслась на ходу. В одной руке у него сверкнул клинок, другой он резко отдернул штору на окне.

Красный отсвет ударил внутрь.

— Что случилось? — выдохнула я.

Он даже не обернулся.

— Сидите тихо.

— Опять приказ?

— Да.

Карета резко накренилась. Мира вскрикнула и вцепилась в мое плечо.

Снаружи послышался свист.

Потом в дверцу что-то ударило.

Я дернулась.

Дерево треснуло. Внутри вошло черное древко стрелы.

Я уставилась на него, не веря глазам.

— Вот теперь, — произнесла я хрипло, — мне уже точно не нравится эта поездка.

И в ту же секунду снаружи раздался нечеловеческий рык.

Не конский.

Не человеческий.

Драконий.

Глава 5. Чудовище не тронуло меня

Рык разорвал ночь.

Не звук — удар. Он прошел сквозь стены кареты, сквозь дерево, металл, кожу, кости. Мира рядом всхлипнула и зажала уши ладонями. Лошади рванули так, что экипаж качнуло на одном боку, потом бросило обратно. Снаружи закричали люди. Один голос оборвался слишком резко.

Я схватилась за сиденье, чтобы не слететь на пол.

— Это что было? — выдохнула я.

Рейнар уже распахнул дверцу.

Внутри ворвался ледяной воздух, запах сырой земли, дыма и крови.

— Оставайтесь внутри, — приказал он.

— А если карету подожгут?

Он обернулся.

В его глазах уже тлел тот самый красный свет, который я видела в зале, только теперь он был ярче. Опаснее. Не отражение огня — собственное пламя.

— Тогда я вернусь раньше, чем она догорит.

И он шагнул наружу.

Дверца захлопнулась.

На долю секунды внутри стало так тихо, что слышно было только бешеное дыхание Миры и стук моего сердца.

Потом мир взорвался.

Снаружи звенела сталь. Кричали мужчины. Кто-то командовал, но слов было не разобрать. Еще один рык — ближе, ниже, страшнее. Карета тряслась, когда рядом проносились тяжелые тела. В стенку что-то ударило с такой силой, что лампа внутри качнулась и на миг погасла.

Мира вцепилась в мою руку.

— Госпожа... госпожа, это он?..

— Не знаю, — соврала я.

Но, конечно, я знала.

Или, по крайней мере, догадывалась.

Слишком много было рассказов. Слишком странным был этот звук. Слишком спокойно Рейнар вышел навстречу тому, что заставило вооруженных мужчин закричать.

Я повернула голову к окну.

Штора сбилась, и в щель между тканью и рамой был виден кусок ночи. Дорога. Тени всадников. Вспышки факелов. И — на самом краю поля зрения — нечто большое, темное,двигающееся слишком быстро для человека.

Сердце ухнуло вниз.

— Оставайтесь здесь, — прошептала Мира, будто я уже собиралась открыть дверцу и выйти к этому кошмару. — Пожалуйста, не выходите. Пожалуйста...

— Я пока не настолько безумна, — ответила я.

Хотя желание увидеть все самой было почти невыносимым.

Страх тоже.

Он сидел внутри острым холодом. Но вместе с ним росло другое чувство — злое, упрямое. Я устала быть посылкой, которую кто-то куда-то везет, пряча от правды. Устала слышать обрывки, недомолвки, намеки. Если в моей жизни теперь есть чудовище, я хотела знать, как оно выглядит на самом деле.

Снаружи снова закричали.

На этот раз совсем рядом.

Потом кто-то с силой ударился о карету снаружи и съехал вниз. Я замерла. Мира чуть не закричала, но зажала рот руками.

По дверце медленно потекла кровь.

Темная в лунном свете.

Я сглотнула.

— Это не нападение разбойников, — сказала я тихо.

Мира посмотрела на меня, как на сумасшедшую.

— Конечно не разбойники! Кто нападет на кортеж лорда Ардена как разбойник?

Логично.

Вопросы в этом мире, кажется, были моей единственной постоянной валютой.

Я осторожно приподнялась и, не выпуская руки Миры, выглянула в окно чуть сильнее.

Дорога шла между черными стволами леса. Факелы валялись на земле. Один из коней брыкался, пытаясь вырваться из перевязи. Люди Рейнара дрались молча, жестко, без лишних криков — совсем не так, как дворцовая стража. Они двигались сработанно, будто подобные нападения были не исключением, а привычкой.

А впереди, в красноватом свете пламени, я увидела его.

Рейнара.

И почти не узнала.

Он стоял чуть в стороне от основной схватки, будто сам был ее центром, а остальные просто вращались вокруг. Плащ где-то исчез. Тьма прилипла к его фигуре плотнее, чем одежда. Одной рукой он держал меч, уже залитый кровью. Второй — голой, без перчатки — перехватил горло мужчине в маске, приподняв его над землей так легко, словно тот весил не больше ребенка.

А потом произошло нечто хуже всего, что я могла себе представить.

Под кожей его руки вспыхнули те самые темные линии — но уже не как трещины, а как живая раскаленная сеть. Они побежали вверх по запястью, к шее, к виску. Воздух вокруг него дрогнул. Мужчина в маске захрипел, задержался — и в следующий миг его отбросило на несколько шагов, словно ударом невидимой силы.

Я не поняла, использовал ли Рейнар магию, силу проклятия или что-то еще более страшное.

Но одно поняла ясно:

слухи лгали.

Он не был человеком, который иногда кажется чудовищем.

Он был чудовищем, которое изо всех сил держало человеческий облик.

И все же...

Он защищал карету.

Защищал меня.

Словно почувствовав взгляд, он резко повернул голову.

Даже на расстоянии я увидела, как вспыхнули его глаза.

Он смотрел прямо в окно.

Прямо на меня.

И в этом взгляде было столько холодной ярости, что я машинально отшатнулась от щели.

Через секунду дверца кареты распахнулась.

Я даже вскрикнуть не успела.

Рейнар влетел внутрь, захлопнул дверцу за собой и на мгновение заполнил собой все пространство. Холодный ночной воздух, запах крови, дыма и раскаленного металла ворвались вместе с ним. Мира пискнула и вжалась в сиденье так, будто надеялась слиться с обивкой.

Я смотрела на него во все глаза.

Он был ранен.

Ничего смертельного, насколько я могла понять, но по виску текла кровь, на ворота рубашки темнело пятно, а дыхание стало чуть тяжелее. И главное — проклятие. Оно не исчезло. Темные огненные линии все еще тлели под кожей шеи и уходили ниже, под растянутый ворот. Жутко. Красиво. Неправильно.

— Я ведь сказал оставаться внутри, — произнес он.

Голос был ниже обычного. Хриплее. Будто сквозь него проступало что-то другое.

— Я и оставалась внутри, — ответила я. — Внутри кареты, а не с зажмуренными глазами.

Он замер, глядя на меня.

Слишком долго.

Потом опустил взгляд ниже — на мои руки, на лицо, будто проверял, не ранена ли я.

— Вы целы, — сказал он уже тише.

— Пока да. А вы?

— Это неважно.

— Для вас, может быть. Для меня в этой карете вы единственный вооруженный аргумент в пользу выживания.

Мира рядом тихо застонала, как человек, которому уже физически больно от моих реплик.

Но Рейнар отреагировал не так, как я ждала.

На мгновение в его лице мелькнуло что-то почти... усталое. Как будто за последние минуты он слишком близко подошел к той грани, за которой снова становится только чудовищем, и теперь с усилием возвращался назад.

Он сел напротив, но не до конца. Словно был готов в любой момент снова рвануть наружу.

— Нападавших было шестеро, — сказал он. — Двоих взяли живыми. Остальные мертвы.

— Кто они?

— Пока не знаю.

— Все у вас пока не знаю.

— Вас это удивляет?

— Уже начинает раздражать.

Он коротко кивнул, будто признавал мое право на раздражение.

Потом карета тронулась снова.

Точнее — не тронулась, а рванула вперед так, словно кучер сам хотел убратся отсюда как можно дальше. Снаружи застучали копыта. Колеса подпрыгнули на кочке. Мы снова поехали.

Но Рейнар не выходил.

И это было плохим знаком.

— Все настолько серьезно? — спросила я.

— Да.

— Тогда рассказывайте.

Он медленно поднял голову.

— Приказ?

— Просьба, — сказала я. — Нстойчивая. Логичная. И, с учетом обстоятельств, заслуженная.

Он перевел взгляд на Миру.

Та мгновенно опустила глаза, будто надеялась стать невидимой.

— Оставьте нас, — сказал он.

Я вскинула брови.

— Здесь? В движущейся карете?

— Есть передний отсек для сопровождающих.

Мира уже дернулась, готовая выскочить хоть на крышу, лишь бы не сидеть между нами.

— Нет, — сказала я сразу.

Он посмотрел на меня.

— Нет?

— Она останется.

— Это лишний свидетель.

— Это единственный человек рядом со мной, который не говорит загадками.

Мира, по-моему, в эту секунду сама не знала, польщена она или обречена.

Рейнар молчал.

Потом неожиданно сказал:

— Хорошо.

Снова это его короткое, сухое хорошо, будто он выдает людям разрешение на существование.

Но я уже начала понимать: от других он, вероятно, и этого не давал.

— Нападавшие, — напомнила я.

— Не наемники с тракта, — сказал он. — Слишком хорошо подготовлены. Знали маршрут. Знали, где дорога сужается. Знали, что часть стражи после свадьбы сменили на людей совета.

— Значит, информация ушла из дворца.

— Очевидно.

— И метили в меня?

Он чуть помедлил.

— Да.

— Почему?

— Потому что после знака на обряде вы стали проблемой.

Я подняла запястье с меткой.

В полумраке кареты она уже не светилась, но оставалась отчетливо видимой — тонкий алый изгиб на коже.

— Объясните уже нормально, что это такое.

Он отвел взгляд. Не от меня — скорее в себя. Как человек, решающий, сколько правды он может выдать, не разрушив что-то важное.

— У драконьей крови есть старые законы, — произнес он наконец. — Некоторые давно считаются мертвыми. Некоторые — опасными. Эта метка относится к обоим.

— Продолжайте.

— Она не должна была появиться.

— Это я уже поняла.

— Она появляется только тогда, когда огонь признает связь глубже, чем обычный союз по принуждению.

Я моргнула.

Мира тихо ахнула.

— То есть вы хотите сказать... — медленно начала я.

— Я хочу сказать, — перебил он, — что кто-то при дворе теперь может решить, будто вы имеете значение, которого не должны были иметь.

— Для вас?

— Для власти.

Это мне не понравилось даже больше.

— Я вообще-то никому не хотела иметь значение. Мне и обычной жизни хватало.

— Ваша обычная жизнь закончилась, — сказал он слишком ровно.

И вот тут меня вдруг прорвало.

Не криком. Не истерикой. Хуже.

Тихой, ледяной злостью.

— Не смейте говорить мне это таким голосом, будто я сама все выбрала, — сказала я. — Я проснулась в чужом теле, меня потащили к алтарю, выдали замуж за мужчину, которого весь мир считает чудовищем, а потом попытались убить. Так что не надо произносить «ваша жизнь закончилась» с видом мудреца, объясняющего очевидное.

Мира рядом сжалась.

Рейнар не ответил сразу.

Он просто смотрел на меня.

На этот раз без холодного скальпеля в глазах. Без прямого подозрения. Почти без защиты.

— Я не говорил, что вы это выбрали, — произнес он наконец.

— Но говорите так, будто мне пора смириться.

— Потому что вам действительно пора перестать надеяться, что все вернется назад само.

Это был болезненно точный удар.

И именно поэтому я возненавидела его на секунду.

— Знаете, что я в вас уже начинаю понимать? — спросила я.

— Что?

— Вы умеете говорить правильные вещи так, что хочется в вас чем-нибудь бросить.

Уголок его губ едва заметно дрогнул.

— Это уже прогресс. В зале вы хотели сбежать.

— В зале я вас еще толком не знала.

— А теперь?

— Теперь знаю достаточно, чтобы не считать вас главным чудовищем этого дня.

После этих слов в карете стало очень тихо.

Даже стук колес будто отодвинулся.

Я не собиралась говорить это вслух. Тем более так. Но слова уже повисли между нами.

Мира, кажется, вообще перестала дышать.

Рейнар сидел неподвижно.

Только взгляд изменился.

Стал глубже. Темнее. И, что странно, опаснее не от злости, а от чего-то другого — как будто я случайно коснулась темы, которую он давно никому не позволял трогать.

— Не спешите с выводами, — сказал он очень тихо.

— Почему? Боитесь разочаровать?

— Боюсь, что вы еще не понимаете, с кем связали себя кровью.

— У меня не было возможности выбирать.

— У меня тоже.

Я замолчала.

Потому что это тоже прозвучало правдой.

Голой, неудобной, невыгодной правдой.

Карета шла быстро. За окнами плыл лес. Внутри лампа качалась, выхватывая из полумрака его лицо — красивое и пугающее одновременно. Кровь на виске уже почти запеклась. Темные линии под кожей медленно тускнели, но не исчезали полностью.

Я поймала себя на том, что снова смотрю на них.

Он заметил.

Конечно заметил.

— Это вас пугает? — спросил он.

Я честно задумалась.

— Да, — сказала наконец. — Но не так, как должно.

Он чуть склонил голову.

— Объясните.

— Мне страшно смотреть на это. Страшно понимать, что слухи не врут, и в вас правда есть что-то... не человеческое. Но еще страшнее то, как вы все время ведете себя так, будто для вас это обычный день.

На этот раз он отвел глаза первым.

— Для меня многое давно стало обычным.

— Это не повод.

— Это факт.

Я выдохнула и осторожно протянула руку.

Сама не ожидая от себя этого.

Ни зачем. Ни как.

Просто движение, родившееся раньше мысли.

— У вас кровь, — сказала я.

Он посмотрел на мою ладонь.

Не коснулся.

Просто смотрел.

— Это неважно, — повторил он.

— Вам надо придумать новое слово. Это уже начинает бесить.

Я дотянулась до небольшого ящика под сиденьем, вытащила чистую ткань, которую туда, видимо, положили заранее на всякий случай, и подвинулась вперед.

Мира рядом, кажется, пережила маленькую внутреннюю смерть.

— Госпожа, — пискнула она, — может, не надо...

— Уже надо.

Я посмотрела на Рейнара.

— Не дергайтесь. Я не собираюсь вас убивать. И не думаю, что полотняной тряпкой это вообще возможно.

Еще секунда.

И он вдруг не отстранился.

Это было самое неожиданное из всего происходящего.

Не разрешение в словах. Не кивок. Просто отсутствие сопротивления.

Я приблизилась и осторожно коснулась тканью его виска.

Он замер.

Совсем.

Настолько неподвижно, что я на миг испугалась, не сделала ли чего-то смертельно неправильного.

Но потом поняла другое.

Он не привык, что к нему прикасаются вот так.

Без страха. Без расчета. Без приказа.

Просто потому, что он ранен.

Эта мысль ударила странно и остро.

Кровь уже начинала засыхать. Я смочила край ткани водой из маленькой дорожной фляги и аккуратно стерла темный след с виска, со скулы, с линии челюсти. Он сидел слишком близко. Я чувствовала жар его кожи, слишком сильный для обычного человека. Чувствовала, как под ней, глубже, будто живет что-то беспокойное. Не зверь даже — огонь.

Мира молчала с выражением лица человека, который потом либо станет моей навеки преданной соучастницей, либо будет всю жизнь вспоминать этот момент как начало конца.

Когда я коснулась его шеи — совсем рядом с темной трещиной под кожей, — Рейнар резко перехватил мое запястье.

Не больно.

Но мгновенно.

Я подняла на него глаза.

Красный свет в его взгляде вспыхнул ярче.

— Не туда, — сказал он глухо.

— Почему?

— Потому что я так сказал.

— Слабый аргумент.

Его пальцы на моем запястье медленно сжались.

И вот тут я поняла, насколько он сильнее любого человека, которого я знала. Если бы захотел — сломал бы руку одним движением. Если бы захотел — мог бы сделать со мной все, что угодно.

Но он не делал.

Просто держал.

Будто удерживал не меня — себя.

— Вы не понимаете, — произнес он хрипло.

— Так объясните.

— Сейчас не время.

Я почти рассмеялась. Нервно. Устало.

— Конечно. Когда же еще.

Он смотрел на меня так, словно каждое лишнее слово давалось ему с усилием.

Потом медленно разжал пальцы.

Отпустил.

И отодвинулся на полшага назад, хотя в тесной карете это было почти смешно.

— Закончите с виском, — сказал он уже обычнее. — Этого достаточно.

Я не стала спорить.

Молча стерла остатки крови и убрала ткань.

Тишина после этого касания стала другой.

Не враждебной.

Но слишком натянутой. Как струна, которую однажды задели не туда, куда собирались.

Мира наконец шепотом спросила:

— Милорд... а нас еще будут преследовать?

— Сегодня нет, — ответил он.

— Почему вы так уверены?

Он перевел взгляд на нее.

— Потому что те, кто должен был перехватить нас в лесу, уже мертвы.

Она сглотнула и больше не задавала вопросов.

Я тоже какое-то время молчала.

Потом все же сказала:

— Вы обещали, что карета не догорит.

— Она и не догорела.

— Я начинаю понимать, что ваши обещания очень специфичны.

— Других нет.

Я устало откинулась на спинку.

И вдруг поняла одну простую, страшную вещь.

Я только что дотронулась до мужчины, которого весь этот мир боится до дрожи.

И он не сделал мне ничего.

Не оттолкнул грубо. Не сорвался. Не воспользовался моментом. Не показал силу просто потому, что мог.

Наоборот.

Он едва не отшатнулся от моего прикосновения так, будто именно я была для него опаснее меча.

Это было неправильно.

Непонятно.

И почему-то намного страшнее, чем если бы он просто вел себя как чудовище из слухов.

Потому что монстра проще бояться.

Куда сложнее, когда монстр вдруг оказывается единственным, кто тебя не тронул.

Глава 6. Комната прежней жены

До Черного крыла мы добрались под утро.

Сначала я поняла это по свету.

Ночь за окнами перестала быть цельной, черной, непроглядной. В ней начали проступать серые полосы — сначала на горизонте, потом на верхушках деревьев, потом на мокрой дороге, по которой карета неслась все дальше на север. Лес редел, становился реже, жестче, будто сама земля здесь не любила ничего мягкого и живого.

Потом пришел холод.

Не тот обычный утренний холод, который можно прогнать пледом или горячим кофе. Этот холод был другим. Каменным. Старым. Он будто жил в воздухе изначально и спокойно входил под кожу, не спрашивая разрешения.

Мира продрогла еще сильнее, хотя я и накинула ей на плечи лишнюю дорожную накидку. Сама я тоже уже почти не чувствовала пальцев. В карете, конечно, было теплее, чем снаружи, но чем ближе мы подъезжали к замку Рейнара, тем явственнее становилось ощущение, будто сам воздух здесь помнит чью-то долгую, тяжелую боль.

Может, просто нервы.

А может, и нет.

Рейнар почти не говорил всю оставшуюся дорогу. Сидел напротив, закрыв глаза, но я была уверена: он не спит. Его неподвижность не походила на сон. Скорее на то состояние, когда человек собирает себя по кускам и не хочет, чтобы это кто-то заметил.

Иногда по его шее снова пробегал слабый красноватый отсвет под кожей, и тогда я отворачивалась к окну, делая вид, что ничего не вижу.

Не из страха.

Из уважения к чужой боли, о которой меня явно не просили знать.

Когда карета наконец замедлила ход, я сперва услышала звук — тяжелый скрип цепей где-то наверху, глухой удар створок, крик воронья. Потом увидела стены.

Черное крыло.

Название подходило идеально.

Замок поднимался из серого предрассветного тумана так, будто был не построен людьми, а вырос из скалы сам. Темный камень, острые башни, высокие арки, узкие окна, похожие на прорези в маске. Ни намек на уют. Ни капли того показного великолепия, которым так любят хвастаться дворцы. Только сила. Только холод. Только молчаливая угроза.

Он был красив.

Страшно красив.

Как вещь, созданная не для жизни, а для выживания.

Карета въехала под своды внутренних ворот. Колеса загрохотали по камню. Во дворе уже ждали люди — немного, не толпа. Несколько слуг в темной одежде, двое вооруженных мужчин у лестницы, сухопарая женщина лет сорока с собранными волосами и лицом, на котором не было ни любопытства, ни страха, ни подобострастия. Только выученная сдержанность.

Она поклонилась, когда Рейнар первым вышел из кареты.

— Милорд.

— Ильва, — кивнул он. — Подготовьте восточные покои для леди. Служанку разместить рядом.

Я отметила это сразу.

Не в главной части замка. Не в его покоях. Восточные.

Отдельно.

Может, и к лучшему.

Я спустилась следом. Под подошвами хрустнул тонкий лед на камне. Воздух был таким холодным, что дыхание обжигало горло. В небе еще висели остатки ночи, и над самой высокой башней кружили черные птицы.

Ильва перевела взгляд на меня.

Очень коротко.

Но мне хватило этого взгляда, чтобы понять: здесь уже знают о свадьбе. И о покушении, скорее всего, тоже. И обо мне будут судить не по словам, а по тому, выживу ли я в этом доме дольше остальных.

Прекрасное начало.

Мира вылезла из кареты осторожно, явно боясь даже камней этого места. Я невольно тронула ее за локоть.

— Дыши, — шепнула я.

Она кивнула, хотя вид у нее был такой, будто сама мысль о дыхании дается через силу.

Рейнар повернулся к нам.

— Ильва покажет ваши комнаты. Сегодня из покоев не выходить.

Я вскинула голову.

— Это забота или тюрьма?

— Это здравый смысл.

— Вы всегда так красиво заворачиваете приказы?

— Только когда устаю.

— А вы устали?

На миг он посмотрел на меня прямо.

Слишком прямо.

— Да.

Ответ был коротким. Честным. И прозвучал так, будто в нем было гораздо больше, чем просто ночь без сна.

Потом он отвел взгляд.

— До вечера я буду занят. Если понадобится что-то срочное, говорите Ильве.

— А если понадобится не срочное, а правда?

Уголок его губ едва заметно дернулся.

— Тогда подождите до вечера.

И ушел.

Просто поднялся по широкой лестнице, не обернувшись. Люди во дворе расступались перед ним без суеты, но с той особой осторожностью, какую я уже начинала узнавать. Не почтение. Не поклонение. Скорее привычка не стоять на пути у силы, которую никто не может до конца контролировать.

— Леди, — произнесла Ильва. — Прошу за мной.

Ее голос был низким, ровным, без лишней мягкости. Не неприятный. Просто... не служебно-приторный. И за это я уже была ей немного благодарна.

Мы вошли в замок.

Внутри оказалось еще холоднее, чем снаружи.

Не по температуре — по ощущению. Высокие своды, длинные коридоры, серый камень, темное дерево, железные светильники с живым огнем. Здесь почти не было цвета. Никаких золотых росписей, шелковых драпировок, нарочитой роскоши. Только строгая красота места, где каждая вещь стоит не для красоты, а потому что нужна.

Шаги отдавались эхом.

Мира семенила рядом со мной, прижимая к себе дорожную сумку.

— Здесь... тихо, — шепнула она.

— Очень, — согласилась я.

— Не бойтесь тишины, — сказала Ильва, не оборачиваясь. — В Черном крыле она безопаснее разговоров.

Я посмотрела ей в спину.

Мне определенно нравилась эта женщина все больше.

— Хороший девиз для дома, — заметила я.

— У нас нет девиза, леди, — ответила она. — Но если бы был, подошел бы этот.

Мы поднялись по двум лестницам, прошли галерею с узкими окнами, за которыми серело небо, потом свернули в более узкий коридор. Здесь стены были украшены не гобеленами, а резьбой по камню — крылья, когти, языки пламени, странные символы, которых я не знала. На некоторых участках камень будто потемнел сильнее, как после старого пожара.

Я остановилась у одного такого места.

— Это что?

Ильва тоже остановилась.

Взглянула на стену.

— Следы давнего огня.

— Пожар?

— Вроде того.

Не «да». Не «нет». Вроде того.

Значит, и здесь недосказанностей хватало с избытком.

Наши покои оказались в самом конце восточного крыла.

Две комнаты, соединенные общей гостиной. Не роскошно, но уютнее, чем я ожидала: камин, тяжелые шторы, кровать под темным балдахином, шкафы из старого дерева, умывальник с парящей над ним чашей — видимо, что-то вроде магического подогрева воды. Все чисто. Все слишком аккуратно.

И все равно первое чувство было не облегчением.

Настороженностью.

Слишком часто в последнее время за красивыми дверями меня ждали плохие новости.

Ильва обошла комнату, открыла ставни, подбросила дров в камин и только потом повернулась ко мне.

— Завтрак принесут сюда. Горячую воду тоже.

— Благодарю.

Она кивнула.

Уже почти собралась выйти, когда я спросила:

— Кто жил здесь раньше?

Вопрос был случайным. Почти.

Но Ильва замерла так резко, что случайность сразу перестала быть случайной.

Я это заметила.

Мира — тоже.

— До вас, леди, восточные покои долго пустовали, — сказала Ильва после короткой паузы.

Слишком гладко.

Слишком готово.

— Долго — это сколько?

— Несколько лет.

— А до этого?

Ее лицо оставалось спокойным, но я уже видела: тема не та.

— Здесь останавливались гости дома.

— И только?

— И только, — ответила она.

Ложь.

Не грубая. Не совсем прямая. Но все же ложь.

Я улыбнулась краем губ.

— У вас здесь, кажется, все учились у милорда отвечать коротко.

— Милорд отвечает только тогда, когда считает нужным, — произнесла Ильва без малейшей иронии. — Это иногда полезное качество.

Она ушла.

Дверь закрылась.

Некоторое время мы с Мирой молчали.

Потом она выдохнула так шумно, будто сдерживалась весь путь от ворот.

— Госпожа... мне здесь жутко.

— Мне тоже, — призналась я.

— Но вы выглядите так, будто сейчас пойдете искать приключения.

Я повернулась к ней.

— Потому что так и есть.

— Нет! — Она побледнела. — То есть... простите... нет, госпожа, пожалуйста. Милорд сказал не выходить.

— Милорд много чего сказал.

— А еще он умеет смотреть так, что хочется слушаться сразу.

Справедливо.

Я подошла к камину, протянула руки к огню и задумалась.

Усталость давила. Хотелось хотя бы час полежать, вымыться, просто дать голове не думать. Но сон в карете, нападение, сон о женщине без лица, слова про западное крыло — все это крутилось внутри слишком настойчиво.

А еще было кое-что другое.

Комната прежней жены.

Эта фраза с самого начала сидела в голове, как заноза. Я еще в столице слышала от Миры о первой жене. Потом был мой странный сон. Потом этот замок, полный запретов и тишины. И слишком очевидное нежелание слуг говорить о том, кто жил здесь до меня.

Значит, надо смотреть самой.

— Закрой дверь, — сказала я.

Мира заморгала.

— Зачем?

— Чтобы никто не вошел неожиданно.

— Госпожа...

— Мира.

Она сразу сдалась.

Подошла, повернула ключ, а потом обернулась ко мне с выражением смертельно обреченного человека.

— Вы что задумали?

— Осмотреться.

— Это то же самое, что «искать неприятности», только другими словами.

— Неприятности уже нашли меня без всяких поисков.

Я подошла к стене у кровати.

Слишком гладкой. Слишком ровной. В старых замках стены так не выглядят без причины. Не после всех этих разговоров о пустующих покоях и давнем огне.

Пальцы скользнули по камню.

Холодный. Чуть шероховатый.

Я медленно прошла вдоль стены, касаясь панелей из темного дерева, резных вставок, железных креплений для ламп. Никаких рычагов. Никаких явных дверей.

— Вы думаете, тут тайник? — прошептала Мира, противореча самой себе тем, что все-таки подошла ближе.

— В этом замке? Я была бы разочарована, если бы нет.

Она вздохнула так, будто небеса уже решили наказать ее за связь со мной.

Я перешла к книжному шкафу. Книг было немного: старые хроники, молитвенники, что-то по истории драконьих домов. Но одна вещь сразу бросилась в глаза — на нижней полке стояла шкатулка, явно выбивавшаяся из общего порядка. Простая, деревянная, с выжженным знаком крыла на крышке.

Я подняла ее.

Легкая.

Заперта.

— Не трогайте, — пискнула Мира.

— Почему?

— Потому что в страшных замках всегда начинаются беды, когда кто-то открывает то, что заперто.

— Ты читаешь страшные замки как жанр жизни?

— Нет. Но у меня хорошее воображение.

У меня тоже.

И оно уже всю работало.

Я перевернула шкатулку. На дне — маленькая металлическая защелка. Почти незаметная.

Щелк.

Крышка приоткрылась.

Внутри лежал ключ.

Очень старый. Черный. Тяжелый.

И больше ничего.

Мира застонала.

— Все. Теперь точно будет ужас.

— Не сглазь раньше времени.

Я держала ключ на ладони и чувствовала, как внутри поднимается то странное, почти азартное напряжение, которое всегда приходит, когда тайна вдруг делает шаг навстречу.

Ключ должен был что-то открывать.

Вопрос — что именно.

Я снова обошла комнату, теперь уже внимательнее.

Кровать, шкаф, камин, столик, комод, зеркало...

Зеркало.

Оно было слишком большим для этой комнаты. И слишком старым. Рама из темного дерева с серебристыми прожилками, похожими на застывший лед. В нижнем углу — тот же знак крыла, что на шкатулке.

Я подошла ближе.

В стекле отражалось мое чужое лицо, камин за спиной и Мира, стоящая так, будто сейчас будет либо молиться, либо падать в обморок.

Ключ подошел к маленькой скважине, спрятанной в резьбе рамы, идеально.

Прокрутился.

Щелчок.

На секунду ничего не произошло.

Потом зеркало дрогнуло.

Не стекло — вся рама. С легким, почти неслышным скрежетом она сдвинулась в сторону, открывая узкий темный проход в стене.

Мира зажала рот обеими руками.

Я тоже замерла.

Ну что ж.

Тайник нашелся.

Из прохода пахло пылью, старым деревом и чем-то еще — слабым запахом сухих трав, давно выветрившихся духов и времени.

Я взяла ближайшую лампу.

— Нет, — простонала Мира. — Нет-нет-нет. Госпожа, пожалуйста. Давайте позовем кого-нибудь.

— И скажем что? Здравствуйте, мы нашли секретную комнату, которую все тут, конечно, случайно забыли упомянуть?

— Именно! Пусть этим занимается кто-то сильный и страшный.

— Он у нас один, и он занят до вечера.

Я вошла первой.

Проход оказался коротким. Всего несколько шагов. А за ним — маленькая скрытая комната.

Не темница. Не пыточная. Не магическая лаборатория.

Жилая.

Точнее, когда-то жилая.

Узкая кровать у стены. Столик. Кресло. Маленькое окно, почти полностью заложенное каменной решеткой, так что внутрь проникал только бледный свет. На полу — выцветший ковер. На столике — сухой букет, рассыпавшийся от одного моего дыхания. На спинке кресла — старый светлый платок.

И тишина.

Не обычная. Такая, от которой хочется говорить шепотом, потому что слишком ясно чувствуешь: здесь чья-то жизнь закончилась не до конца.

Я медленно прошла вперед.

На столике лежала книга.

Нет, не книга.

Дневник.

В кожаном переплете, с потемневшими страницами.

Сердце ударило быстрее.

— Госпожа, — очень тихо сказала Мира, не заходя до конца внутрь, — может, уйдем?

Я открыла первую страницу.

Почерк был женским. Неровным, но красивым.

На внутренней стороне обложки стояло имя:

Лиара Арден.

Я застыла.

Арден.

Не гостя.

Не дальняя родственница.

Жена.

Первая жена.

— Это она, — прошептала я.

— Кто? — так же шепотом спросила Мира.

— Первая жена Рейнара.

Лампа дрогнула в руке.

Я начала листать.

Первые страницы были спокойными. Почти светскими. Короткие записи о переезде, о замке, о холоде, о том, как трудно привыкнуть к чужому дому. Потом тон начал меняться.

«Он не тронул меня и в эту ночь. Мне не понять, милость это или проклятие».

Следующая запись:

«Слуги боятся его больше, чем смерти. Но когда он смотрит на меня, в его глазах бывает не ярость. Бывает что-то хуже — будто он все время ждет, что причинит вред, даже если не хочет».

Я сглотнула.

Еще страница.

«Сегодня ночью я снова слышала шаги из западного крыла. Он запер двери и сказал никогда туда не ходить. Я клялась, что не пойду. Но в этом доме запреты звучат громче любых признаний».

У меня по спине пробежал холод.

Сон.

Женщина без лица.

Западное крыло.

Я перевернула еще страницу.

Текст стал резче, торопливее.

«Я ошибалась. Опасность не в нем. Опасность в том, кто хочет, чтобы он сорвался».

«Если со мной что-то случится, пусть тот, кто найдет записи, знает: Рейнар не чудовище в том смысле, как о нем говорят».

«Он опаздывает только тогда, когда ему лгут».

Последняя фраза ударила так сильно, что пальцы ослабели.

Он опоздал в прошлый раз. В этот — не должен.

Именно это я слышала во сне.

Я перелистнула дальше.

На следующей странице текст обрывался посередине строчки, будто писавшая спешила или ее кто-то прервал.

«Сегодня мне велели быть в красной комнате после заката. Если это прочитают, значит, я уже...»

Конец.

Больше ничего.

Следующие страницы были вырваны.

Аккуратно. Почти до корешка.

Я долго смотрела на этот рваный край бумаги и чувствовала, как внутри медленно, очень отчетливо складывается новая картина.

Первая жена не умерла так, как рассказывали.

Она боялась не только Рейнара.

И кто-то сознательно убрал часть ее слов.

— Госпожа, — прошептала Мира, — вы белая.

— Я просто начинаю ненавидеть тайны системно.

Я закрыла дневник.

Очень осторожно.

На дне ящика столика обнаружилось кое-что еще — тонкая цепочка с темным камнем. Точно таким же, как у меня на свадебном кольце. И письмо. Не запечатанное, но сложенное вчетверо.

Я развернула его.

Всего одна строка.

Если он позволит тебе выбрать — не выбирай из страха.

Без подписи.

Но почерк был тот же.

Лиара.

Я стояла посреди тайной комнаты первой жены своего чудовища-мужа и держала в руках предупреждение от мертвой женщины.

Очень символично.

Мира уже почти плакала от нервов.

— Давайте уйдем. Пожалуйста. Мне кажется, здесь плохо.

— Здесь не плохо, — тихо сказала я. — Здесь кто-то слишком долго молчал.

Я обвела взглядом комнату еще раз.

Никаких следов борьбы. Никакой крови. Никаких костей, как могло бы подсказать особенно мрачное воображение. Только жизнь, оборванная внезапно и спрятанная от чужих глаз.

Спрятанная так тщательно, что даже новые покои для меня сделали поверх нее.

И это было страшнее крови.

Потому что означало осознанную ложь.

Я уже собиралась выйти, когда взгляд зацепился за стену у кровати.

Там, на камне, почти незаметно, было выцарапано несколько слов.

Я поднесла лампу ближе.

Не верь красной комнате.

Сердце стукнуло так сильно, что у меня заложило уши.

Красная комната.

В письме — красная комната.

В дневнике — красная комната.

И если в этом замке есть место с таким названием, то оно мне уже заранее не нравится.

— Мы уходим, — сказала я.

На этот раз Мира не спорила.

Мы выбрались обратно в спальню, и я задвинула зеркало на место. Спрятала ключ в рукав, дневник — под платье, цепочку и письмо — тоже. Руки слегка дрожали, но голова работала неожиданно ясно.

Теперь у меня было нечто большее, чем страх и догадки.

У меня была нить.

Первая жена не обвиняла Рейнара в своей смерти. Наоборот — будто пыталась предупредить ту, кто придет после нее. Значит, или Лиара была сумасшедшей.

Или здесь действительно кто-то очень старательно лепил из Рейнара удобное чудовище.

Я подошла к окну.

Снаружи уже занялось серое утро. На внутреннем дворе слуги носили дрова, двое стражников менялись у ворот, а на верхней галерее мелькнул знакомый темный силуэт.

Рейнар.

Он шел быстро, будто и не спал вовсе. На секунду остановился, будто почувствовал взгляд, и поднял голову.

Даже через двор я ощутила, как этот взгляд цепляет.

Холодный.

Внимательный.

Опасный.

И теперь я уже не знала, чего во мне больше — желания потребовать от него ответы или странного, нелепого ощущения, что именно ему я пока верю сильнее всех остальных.

А это было очень плохой новостью для здравого смысла.

Потому что мужчина, за которого меня выдали, все еще мог оказаться чудовищем.

Просто не тем, которым его привыкли считать.

Глава 7. Запретное крыло замка

Я не собиралась идти туда в первый же день.

Правда.

У меня были вполне разумные планы: спрятать дневник так, чтобы его не нашел никто, кроме меня; вымыться; хоть немного поспать; сделать вид, что я послушная новая жена, которая после дороги и покушения слишком устала, чтобы совать нос в тайны древнего замка. Возможно, даже поесть. Потому что в последний раз я нормально ела, кажется, в другой жизни.

Но у всех хороших планов есть один недостаток.

Они разбиваются о реальность.

А моя реальность на данный момент состояла из трех вещей: дневника первой жены, надписи про красную комнату и сна, в котором женщина без лица предупредила меня никогда не ходить в западное крыло после заката.

Разумеется, именно после этого я и начала думать о западном крыле без остановки.

Это, вероятно, многое говорило о моем характере. И ничего хорошего — о моем чувстве самосохранения.

Мира принесла мне горячую воду и завтрак, глядя так, будто я уже успела тайно отрастить рога и теперь просто скрываю их под волосами.

— Вы молчите, — заметила я, садясь к столу.

— Я думаю, — сказала она трагическим шепотом.

— Это так страшно?

— После комнаты в стене — да.

Я невольно усмехнулась.

Завтрак оказался простым и неожиданно вкусным: теплый хлеб, сливочное масло, густой сыр, какие-то темные ягоды в меду и крепкий травяной отвар, пахнущий дымом и мятой. Еда напомнила мне, насколько я измотана. Тело Элеи держалось из чистого упрямства, как и я сама.

Я разломала хлеб и спокойно спросила:

— Что ты знаешь про западное крыло?

Мира подавилась отваром.

— Госпожа!

— Не кричи так, будто я уже туда пошла.

— Но вы же собираетесь.

— Пока только думаю.

— Это хуже, — простонала она. — Когда вы думаете, потом обязательно происходит что-то ужасное.

Справедливо.

Я намазала хлеб маслом.

— И все же?

Мира посмотрела на дверь, на окна, даже на камин, будто боялась, что у замка есть уши.

Вполне возможно, кстати.

— Я слышала о нем только от других служанок, — сказала она очень тихо. — Здесь не любят об этом говорить. Говорят, западное крыло закрыли после смерти первой леди. Что часть комнат там запечатана. Что иногда по ночам оттуда доносятся звуки.

— Какие?

— Разные.

Очень информативно.

— Скрипы? Шаги? Стоны? Пение проклятых духов?

— Госпожа, я серьезно!

— Я тоже.

Она нахмурилась.

— Иногда будто кто-то ходит. Иногда — как будто металл скребет по камню. А одна девушка говорила, что слышала... рычание.

Я замерла, так и не донеся чашку до губ.

— Ты веришь ей?

— Я верю, что в этом замке лучше не проверять лишнее на себе.

И снова — очень разумная мысль. Из тех, к которым я стабильно прихожу на пару шагов позже, чем нужно.

Я поставила чашку.

— А красная комната?

Мира побледнела.

Не слегка. По-настоящему.

— Откуда вы знаете это название?

Я посмотрела на нее внимательно.

— Значит, такая комната есть.

Она закусила губу.

— Я... слышала. Давно. Еще в столице. Когда только начали говорить о вашей помолвке. Кто-то из служанок королевы шептался, что в Черном крыле есть комната с красными стенами, куда раньше не пускали никого, кроме лорда и его первой жены. А потом... — она осеклась.

— А потом?

— Потом первую леди не стало.

Тишина после этого повисла очень плотная.

Я доела кусок хлеба, уже почти не чувствуя вкуса. Внутри медленно поднималось знакомое, злое любопытство. Не здоровое. Не безопасное. Но остановить его было уже невозможно.

— Значит, план такой, — сказала я.

— Нет, — сказала Мира сразу.

— Ты даже не знаешь какой.

— Знаю. Плохой.

— Очень обидно, что ты так хорошо меня изучила за сутки.

Она закрыла лицо руками.

— Госпожа, пожалуйста. Хоть немного поспите. А потом, может, решите не лезть туда, где у всех нормальных людей инстинкт самосохранения уже кричит.

— У всех нормальных — возможно. Но я уже проснулась в чужом теле и вышла замуж за полудракона с плохой репутацией. Мы давно вышли за рамки нормального.

— Вот именно! Надо хотя бы не усугублять!

Я подошла к ней и осторожно убрала ее руки от лица.

— Слушай. Я не пойду туда после заката.

Это была правда. Пока.

— Но?

— Но хочу хотя бы понять, где это крыло и как туда можно попасть.

Она посмотрела на меня так, будто решала, стоит ли звать священника, лекаря или сразу палача.

— И вы думаете, это ничего не запустит?

— Я думаю, что опаснее слепо ждать, пока что-то запустят за меня.

Эта мысль, похоже, ее не успокоила.

Меня, если честно, тоже.

Через полчаса я уже была вымыта, переодета и причесана настолько аккуратно, насколько могла выдержать. Платье выбрала простое по местным меркам: темно-серое, мягче предыдущих, с узкими рукавами и без лишнего шитья. Хотелось чувствовать себя человеком, а не дорого украшенной жертвой.

Дневник Лиары я спрятала в подкладку дорожной сумки Миры. Ключ оставила при себе. Письмо — тоже. Цепочку с темным камнем надела под платье, сама не до конца понимая зачем. Наверное, просто потому, что она была единственной вещью, оставленной мне женщиной, которая явно пыталась предупредить о чем-то важном.

В покоях становилось душно от мыслей.

Мне нужно было движение.

И повод.

Повод нашелся быстро.

— Ильва сказала, что если что-то понадобится, говорить ей, — заметила я.

— Только не говорите, что вам понадобилась экскурсия в сторону древних ужасов.

— Нет. Сначала библиотека.

Мира подозрительно сощурилась.

— А потом?

— А потом посмотрим, куда нас случайно занесет.

Она обреченно выдохнула.

Ильву мы нашли в соседней галерее. Она разговаривала с каким-то пожилым слугой, просматривала связку ключей и выглядела человеком, который умеет держать дом в порядке даже во время конца света.

— Леди, — кивнула она.

— Мне нужна библиотека, — сказала я.

Ни один мускул на ее лице не дрогнул.

— Разумеется. Вас проводить?

— Было бы мило.

Мира за моей спиной явно решила, что мило — не то слово, которое она бы использовала для надзора. Но промолчала.

Мы шли по коридорам Черного крыла почти десять минут.

Замок постепенно раскрывался, и чем дальше, тем меньше он казался просто мрачным. В нем было что-то живое. Не теплое — нет. Но живое. Здесь все работало как единый организм: лестницы, скрытые переходы, тяжелые двери, маленькие дворики, в которые неожиданно открывались арки, резкие сквозняки, запах пепла, железа и старого дерева.

Иногда нам навстречу попадались слуги. Они кланялись мне, но не так, как во дворце. Без любопытства. Без жадности. Просто отмечали новый факт в устройстве дома: у милорда появилась жена.

И все.

Это почти успокаивало.

Почти.

Пока мы шли, я исподволь считала повороты. Запоминала лестницы. Отмечала, где камень старше, где новее, где стоят стражники, а где слишком пусто.

Западное крыло я узнала раньше, чем мне его показали.

Не по табличке, конечно.

По тому, как резко изменился воздух в одном из пересечений галерей. Справа тянулся коридор с высокими окнами, выходящими на внутренний двор. Слева — другой, темнее, уже,

с закрытыми ставнями и едва заметной черной полосой на полу, будто там когда-то проходила линия огня.

И еще — у самого входа стояли двое вооруженных людей.

Не дворцовые стражники. Не слуги.

Люди Рейнара.

Я замедлилась.

Ильва заметила это сразу.

— Туда ходить не нужно, леди, — сказала она ровно.

— Я всего лишь посмотрела.

— Этого достаточно.

— Значит, это и есть западное крыло.

Не вопрос.

Констатация.

Ильва помолчала.

— Да.

— Почему оно охраняется даже днем?

— Потому что милорд так велел.

— У милорда, как я понимаю, много интересных привычек.

— У милорда есть причины.

— Которые мне, конечно, знать не положено?

Она посмотрела на меня.

Не дерзко. Не враждебно. Но очень прямо.

— Леди, некоторые двери в этом доме закрыты не для того, чтобы вас обидеть. А чтобы вы остались живы.

По спине прошел неприятный холодок.

Вот именно таких фраз я боялась больше всего. Они звучали слишком искренне, чтобы быть просто отговоркой.

— А первая леди тоже слышала это? — спросила я тихо.

Если Ильва и удивилась, то только глубже спрятала это внутри.

— Я не обсуждаю первую леди.

— Потому что не хотите?

— Потому что не могу.

Интересно.

Не хочу — это выбор. Не могу — уже похоже на приказ, клятву или страх.

Стражники у входа в темный коридор не шевелились, но я чувствовала их внимание на себе. Западное крыло звало не громко, без всякой мистической чепухи. Просто тем, что его слишком старательно прятали.

— Библиотека дальше? — спросила я как ни в чем не бывало.

— Да.

Мы пошли дальше.

Мира за моей спиной дышала так, будто только что пережила маленький сердечный приступ.

— Вы специально? — шепнула она, когда Ильва ушла на шаг вперед.

— Что именно?

— Вот это ваше «просто посмотрела». Вы же смотрели так, будто мысленно уже туда залезли.

— Только мысленно?

— Госпожа!

Я сжала ее пальцы незаметно для Ильвы.

— Спокойно. Днем я туда не пойду. С двумя стражами на входе это было бы даже для меня слишком театрально.

— Почему меня это не успокаивает?

— Потому что ты умная.

Библиотека располагалась в круглой башне и оказалась неожиданно прекрасной.

Высокие стеллажи до потолка, узкие лестницы, два огромных окна с серым светом, длинный стол, заваленный книгами и картами, запах пыли, кожи и чернил. В центре горел камин. Здесь было тише, чем во всем остальном замке, но не мертво. Наоборот. Это была тишина места, где мысли жили дольше людей.

Я почувствовала почти физическое облегчение.

Вот что в любом мире способно вернуть меня к себе — книги.

— Здесь вы можете читать сколько угодно, — сказала Ильва. — Но некоторые секции закрыты без разрешения милорда.

— Потрясающе. Еще одни запреты.

— Да, леди.

Она даже не попыталась извиниться.

И за это я снова мысленно записала ей плюс.

— Меня интересует история драконьих домов, старые брачные обряды и... — я чуть помедлила, — все, что связано с истинными союзами.

Ильва очень спокойно перевела на меня взгляд.

Слишком спокойно.

— Это что-то срочное?

— После того, как на моей руке вспыхнула древняя метка, мне кажется, да.

Она кивнула.

— Я пришлю хранителя.

— У вас есть хранитель?

— У нас есть все, что нужно дому, леди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.